

Всеволод Михайлович Гаршин

**Избранные письма (1874-1887
годы)**

**Гаршин Всеволод
Михайлович**

**Избранные письма (1874-1887
годы)**

Гаршин Всеволод Михайлович
Избранные письма 1874 - 1887 гг.

Е. С. Гаршиной 1)

9 ноября 1874 г. Петербург

<...> Надо вам сказать сначала, что с самой осени во всех учебных заведениях беспорядки. Сначала поднялись медики, потом университет, технологи, мы, Лесной институт <...>

Так как были причины быть недовольными, то сейчас же составилась в буфете сходка, на которой решено просить начальство, чтобы оно распорядилось:

1) Открыть для студентов казенную библиотеку, в которую нас не пускают.

2) Открыть для них музей Горного Института, в который также не пускают.

3) Отсрочить взнос денег до 1 января и принять исключенных за невзнос.

4) Дать возможность студентам следить за раздачей стипендий, которых у нас 64 и которые часто даются людям, имеющим 100, 75, 50 р. в месяц.

5) Обезопасить от хватанья, тащенья и непуцанья тех из нас, которые будут вести

переговоры с начальством.

Как видите, желания очень скромные <...>

Валуев требует, чтобы студенты послали к нему депутатов по 3 - 4 с курса. Студенты депутатов послать боятся, опасаясь, что их посадят в кутузку. Хотят идти сами все или просят пожаловать к себе г. министра. Министр <...> говорит Кокшарову (директору): "если через полчаса беспорядки не прекратятся, гоните всех и запечатайте здание". Кокшаров обещал ему, что все кончится миром, пришел к нам, говорил с час, просьб, разумеется не исполнил <...> 2)

Что же оказывается? 2-е отделение I курса (я в первом отделении), II курс, III курс в числе двухсот слишком человек (всего у нас 384) исключаются <...> безвозвратно. Те из них, которые не имеют здесь отца или матери, подлежат (все) высылке на родину с жандармами.

Что и исполнено!

Выслали всех: больных, здоровых, виноватых, невиновных. Были такие, что не были в институте ни в субботу, ни в понедельник, следовательно не могли принимать участия

ни в чем. И они высланы. Всего схвачено и отправлено по этапу до 180 человек.

Я не могу больше писать. Когда я говорю об этом, я не могу удержаться от злобных, судорожных рыданий.

10 ноября

Они сделали еще подлость. У них сила, но они и подлостью не брезгают. В среду они объявили, что те из студентов, которые в особом прощении изъявляют покорность, будут оставлены без наказания <...> И они не исполнили обещания, когда 150 человек подали эти прошения. Это им нужно было только для того, чтобы выделить самых рьяных, которые, конечно, не подадут прошений.

В Горном институте оставаться мне теперь решительно невозможно. Введут матрикулы и за все, что покажется Трепову и Ко предосудительным, нас перехватают и уж не пошлют домой, а прямо засадят в шлиссельбургские, петропавловские и кронштадтские казематы 3). Остеречься невозможно; я писал вам, что даже не знавшие о демонстрации забраны и в жандармских полушубках посланы кто в Томск, кто в Одессу, кто в Темир-Хан-Шуру...

Е. С. Гаршиной

26 ноября 1874 г. Петербург

<...> Ваше письмо сначала навело меня на грустные мысли о том, как может человек s'aigrir, [озлобиться (фр.)] как вы пишете; но потом, раздумав, я предположил, что ваш усиленно ругательный (против молодежи) тон есть только средство меня успокоить. Вы пишете "дурачье"; дураки, действительно, потому что не поняли, что ни какая просьба, как бы невинна и логична она не была, не будет исполнена. Многие понимали это, я в том числе, бывший против демонстраций и кричавший против них. Но раз дело сделано, раз за это ничтожное, выведенного яйца не стоящее дело двести человек виновных и невинных, все равно, хватают ночью, как преступников, как воров, сажают в пересылочную тюрьму, к утру рассылают по всей земле русской "от финских вод до пламенной Колхиды" 4) по этапу и наконец бросают на произвол судьбы в незнакомом городе (как это было в Вильне и Нижнем), выдав на брата 15 копеек серебром; тут забудешь и слово "дурачье". Глупость молодежи бледнеет перед ко-

лоссальной глупостью и подлостью старцев, убеленных сединами, перед буржуазною подлостью общества, которое говорит: "что ж, сами виноваты! За 30 р. в год слушают лучших профессоров, им благодеяние делают, а они еще "бунтуют". Таково мнение Петербурга о последних историях.

Что бы они сказали, если бы 200 (из всех заведений 400) высланных по этапу были не студенты, а так себе, "обыватели"? Какие бы громкие разговоры были о хватании и ссылке без суда (ужасно!) и следствия (где же законы?!). Но для студентов, детей этого же общества, законы не писаны. Если бы нас стали вешать, то и тогда бы сказали: "сами виноваты".

С одной стороны власть, хватающая и ссылающая, смотрящая на тебя как на скотину, а не на человека, с другой - общество, занятое своими делами, относящееся с презрением, почти с ненавистью... Куда идти, что делать? Подлые ходят на задних лапах, глупые лезут гурьбой в нечаевцы 5) и т. д. до Сибири, умные молчат и мучаются. Им хуже всех. Страдания извне и изнутри...

А. Я. Герду 6)

Лето 1875 г. Старобельск

...Делаю довольно мало; это касается институтских занятий; вообще же я сижу за столом целое утро и исписываю весьма значительное количество бумаги. То, что я пишу, очень интересует меня и, будучи близко моему сердцу, доставляет хорошие минуты... Мои литературные замыслы очень широки, и я часто сомневаюсь в том, смогу ли исполнить поставленную задачу. То, что написано, по-моему, удачно; само собою разумеется, что я не могу не быть пристрастным, несмотря на самое строгое и недоверчивое отношение к своим силам... Но если я буду иметь успех?! Дело в том (это я чувствую), что только на этом поприще я буду работать изо всех сил, стало быть успех вопрос в моих способностях и вопрос, имеющий для меня значение вопроса жизни и смерти. Вернуться уже я не могу. Как вечному жиду 7) голос какой-то говорит: "Иди, иди", так и мне что-то сует перо в руки и говорит: "Пиши и пиши". Не подумайте, что это заставит меня бросить ученье.

Нет, я очень хорошо знаю, что будь я семи пядей во лбу, курс даже и Горного института

мне необходим: ведь я совершеннейший еще невежда...

Р. В. Александровой 8)

30 октября 1875 г. Петербург

Дорогая Раиса Всеволодовна!

Простите мне мою дерзость: я решился писать к вам. Хотя вообще подобные переписки принадлежат к числу вещей, на которые окружающие смотрят косо и подозрительно, но я не думаю, чтобы это могло служить непреодолимым препятствием к получению от вас нескольких строчек <...>

После этого краткого предисловия выражаю вам мой телячий восторг по случаю вашего поступления в Музыкальное Общество. Наконец-то вы если не на ногах, так на одной ноге!.. Напишите мне, что вы играли на пробу и какое впечатление произвели; матушка пишет, что все были в восторге, только я хотел бы знать это от вас самих: тогда я был бы более уверен, потому что вы себя никогда не хвалите.

Живу я однообразно, довольно скучно, но в полном душевном спокойствии. Видеть вокруг себя опять всё человеческие лица, слу-

шать вещи, не приводящие каждую минуту в раздражение, не подвергаться опасности быть поставленным в положение, когда не остается ничего более делать, как воткнуть вилку в чье-нибудь толстое брюхо, - согласитесь, все это имеет свои прятности. Работаю много: утром в Институт, потом у Пузино учу мальчишку 7 лет грамоте, потом, в виде вознаграждения, обедаю у них же 9), потом домой, до 8 занятия; в 8 ч. приходит Володя Латкин с "Историческими письмами" Миртова, и мы читаем их вместе 10). Одному читать ни мне, ни ему невозможно: не хватит терпения, а книжку прочесть непременно нужно. В 11 ч. Миртов уносится, и я остаюсь один. Говорила ли вам матушка, что я, вероятно, буду сотрудничать в "Петербургском листке"? По случаю этого обстоятельства после 11 ч. я сижу еще часа по два-три и пишу. Задался мыслью изобразить, хотя отчасти, уездную жизнь в маленьких очерках; один уже готов ("Земское Собрание") и на этой неделе понесется в редакцию. Само собою, что матерьял беру отчасти из жизни нашего милого Старобельска <...>

Все бы было хорошо, если бы можно было хоть раз в неделю посмотреть на матушку с Женей 11), да (зачем скрываться?) на вас. Дороже у меня нет никого на свете.

Когда я виделся с вами последние дни в Старобельске, как тошно мне, как скучно было толковать о неизбежном Егоре Михайловиче и не менее неизбежной Глафире Васильевне, о Лебедевых, Ренчицких и прочей братье. Мне было вовсе не до них, мне хотелось просто молчать и смотреть на вас; мне казалось отчего-то, что вы не вырветесь из Старобельска и засядете на неопределенный срок в трясине, из которой одно замужество вырывает уездных барышен. Да и как большею частью вырывает? Вырывает, чтобы бросить в еще более грязную, глубокую яму, из которой нет уже спасенья. Я не говорю об исключениях; впрочем, в Старобельске я их не видел. Для тех, кто утратил в себе всякое внутреннее подобие божие, конечно, замужество идеал <...>

Р. В., неужели вы вырвались на год из Старобельска, чтобы снова попасть в него? И когда попасть! Когда хоть немного попробуете

другого, свежего воздуха, когда легкие уже не перенесут удушливых миазмов, именуемых в нашем милом отечественном городе, неизвестно по какой причине, - жизнью.

Дорогая моя, пишите, бога ради! Если вам что-нибудь не нравится в моем письме, скажите. Я посокращусь. А то, в самом деле, не слишком ли я разоткровенничался с вами; впрочем, что же мне и скрывать-то от вас?..

Р. В. Александровой

27 ноября 1875 г. Петербург

<...> Я живу по-прежнему, так себе, потихоньку да полегоньку. Достал себе уроки: готовлю некоторую молоденькую и весьма милостивую девицу на экзамен домашней учительницы из арифметики и геометрии. Связываться с "Петербургским листком" я не решился, а сегодня снес маленькое произведение к А. С. Суворину (Незнакомец) 12). Принял он меня так хорошо и тепло, что я от него в восторге; мой очерк оставил для прочтения. Во вторник пойду на страшный суд. Что-то од скажет? Я не думаю покуда нигде печататься; с меня будет довольно только суворинского одобрения; писать начать всегда успеешь,

был бы талант.

Страшно!..

<...>Весьма рад, что наконец вы с Глинкой познакомились; жаль только, что "Руслана" не играете. Это еще лучше "Жизни за царя" (13). Мы, т. е. наша компания, состоящая из восьми-девяти человек, ходим в театр еженедельно, с примерной аккуратностью. Я здесь семь недель, и был в опере тоже семь раз: "Фауст", "Жизнь за царя", "Руслан", "Гугеноты", "Тангейзер", "Фауст", "Русалка". Последнюю оперу видел в первый раз, и она мне очень понравилась.

Был раз на репетиции симфонического собрания и слушал симфонию Листа *Divina Comedia*, т. е. "Божественная комедия". Впечатление страшное. Первые аккорды, действительно, переносят вас прямо в ад. Ах, милейшая музыкантша, зачем вы не слышите настоящего хорошего оркестра! Что бы вы сказали! Никакой рояль, даже если и вы на нем играете, не может мне заменить несравненного Направника со аггелами его <...>

Сегодня четверг; до вторника осталось пять дней. Как только получу благоприятный

ответ - сейчас же извещу вас и матушку. Ну, а если вдруг неблагоприятный?

Не скрою от вас, что он был бы для меня жестоким ударом...

Е. С. Гаршиной

5 марта 1876 г. Петербург

Дорогая мама!

Сейчас только Ольга Васильевна, моя сервантка 14), подала мне письмо от А. Жемчужникова, редактора "Молвы", письмо, где он пишет, что мой маленький очерк будет помещен в "Молве". Ликованию моему несть пределов. Очерк крохотный, микроскопический (я после ношения к Суворину сократил его), но ведь это первая напечатанная работа. Я чувствую то же, что чувствовал мой любимый герой, мастер Деви Копперфильд, когда его статья была принята.

Теперь уже некогда, а летом завалю "Молву" очерками Старобельской жизни. Быть может, вы или Женя раньше увидите Л "Молвы" с моим произведением, чем я вышлю вам его; вот вам его приметы. Название "Подлинная история Земского собрания". Подпись - Р. А. 15).

Летом напишу "Историю прогимназии", "Повесть о том, как поссорились Ст. Дм. с А. А.", "Интенсивная культура" <...>, "История Н обители". План для этих очерков у меня составлен. Старобельск даст обильный материал <...>

Был я в Большом театре в русской опере. На "Анджело" мы не попали, ибо Каменская не достала нашей компании ложу, но зато она достала ложу на "Рогнеду"¹⁶). Вы себе представить не можете, во что обратились русские певцы в хорошем зале! Это все какие-то феноменальные голоса. Оркестр тоже изменился совершенно. Solo на скрипке в Мариинском театре часто не замечаешь, так глухо звучит подлая зала, а здесь, в той сцене, когда Владимир видит сон, а Рогнеда с ножом в руке крадется к его постели за занавеску, скрипка Пиккеля, который должен выделять здесь божественные пассажи, так резко, сильно врезывается в память, что я вот четыре дня хожу, а в ушах все эти скрипичные звуки.

И сама опера как хороша! Я вот в этом (учебном) году два раза ее слышал, да еще в

прежнее время один раз, и еще бы пошел несколько. Мельников 17) - Владимир - хоть картину пиши...

Н. С. Дрентельну 18)

2 июня 1876 г. Харьков

Пишу я теперь с отчаяньем; вчера исписал несколько листов бумаги. Работа удовольствия не доставляет, скорее какое-то злобное, желчное чувство. Если это так пойдет всегда, то незавидная предстоит мне участь. А не писать не могу, да и что со мной будет без этого...

Н. С. Дрентельну

18 июня 1876 г. Харьков

За сообщение новостей из профессорского мира весьма благодарен, хотя, по правде сказать, электрофорная машина Теплова и соединение химического и физического обществ интересуют меня гораздо меньше, чем то, что турки перерезали 30000 безоружных стариков, женщин и ребят. Плевать я хотел на все ваши общества, если они всякими научными теориями никогда не уменьшат вероятностей совершения подобных вещей.

Р. В. Александровой

10 сентября 1876 г. Петербург

Ваше письмо, дорогой мой друг, и обрадовало меня и огорчило. Обрадовало, потому что оно такое хорошее, искреннее; огорчило, потому что я увидел, как вам скверно и тяжело. Господи, если б вы знали, как меня мучает полнейшая невозможность помочь вам чем-нибудь, кроме ободренья. Не смотрите так мрачно, подумайте, что ведь это долго тянуться не может, что у вас впереди непременно будет лучшее будущее, хорошая жизнь. Две-три капли воды, попав в гранитную скалу и не находя выхода, разрывают ее; неужели вы думаете, что ваше положение не такое же, как этих капель. Я всегда утешаюсь подобным образом: это уже чересчур скверно, и поэтому должно так или иначе кончиться. Логика тут мало, а правда есть <...>

Даю вам слово, что в эту зиму вы увидите мое имя в печати. Я должен идти по этой дороге во что бы то ни стало <...> Карьера горного инженера пугает меня. Я знаю многих из них; все разделяются на три категории: одни дельцы, загребающие деньги, чины, места; другие - спившиеся люди, третьи кандидаты

во вторую категорию, люди хорошие, честные, страдающие из-за того, что стоят не у дела, а у пустого места. Да разве это не пустое место набивать мощну какому-нибудь неучу <...> Я чувствую в себе силы для известной деятельности, и ей отдам свою жизнь...

Е. С. Гаршиной

11 марта 1877 г. Петербург

<...> Завтра в "Новостях" будет напечатан мой отчет о выставке в Академии художеств. Вероятно, я останусь при них навсегда, как художественный хроникер. Пришлю вам "Новости" непременно; газета хоть куда, хотя дешевая и, к сожалению, платит дешево. Все-таки до лета успею заработать себе хоть на практические занятия, если нельзя достать свидетельство о недостаточном состоянии, которое придется все-таки брать <...>

Вчера был в типографии, держал "редакторскую" корректуру своей статейки. Типографская обстановка сделала на меня сильное впечатление; очень понимаю я, как можно втянуться во всю эту штуку...

Е. С. Гаршиной

12 - 13 апреля 1877 г. Петербург

Мамочка, я не могу прятаться за стенами заведения, когда мои сверстники лбы и груди подставляют под пули. Благословите меня. Вася тоже идет... 19)

Е. С. Гаршиной

5 мая 1877 г. Кишинев

Вчера утром, дорогая мама, мы приехали в Кишинев. К счастью нашему, 35 пехотная дивизия оказалась здесь. Вчера уже подали прошение. Сегодня ночью выступаем в поход, пешком на Баштомак (на границе). Затем, через всю Румынию, в Баниас, местечко на Дунае, против Рушука. Вероятно будем брать его (Рушук).

В Баниас мы придем 28 мая, так что придется идти по 30 верст в день, делая дневки через два дня в третий.

Мы поступаем в роту к Ивану Назаровичу 20). Перезнакомились уже с десятком офицеров; все молодежь, пьет сильно; впрочем, кажется, есть порядочные люди. К нам отнеслись внимательно и с каким-то уважением. Хотелось бы поставить себя хорошо в полку...

Е. С. Гаршиной

13 мая 1877 г. Фальчи (на Пруте).

<...> Вчера вечером пришли мы в Фальчи, опоздав против маршрута на два дня. Дорога ужасная, дождь шел каждый день, чернозем размок. Ноги по колена в грязи. Выдерживаем мы с Васей поход так, что сами удивляемся. Правда, сделав 30 верст с ранцем (впрочем, почти пустым, бросаешься на что ни попало и спишь как убитый до самого "генерал-марша" (побудки). Наше положение сравнительно с солдатским еще очень хорошо: нас не посылают на работу вытаскивать обоз. А те пройдут 30 верст, да почти сейчас же идут назад верст за 5 вытаскивать на руках обоз из страшнейшей грязи.

Спали мы покуда в деревнях в хатах, но, вступив в Румынию, нужно спать уже на биваках. Сегодня спали на воздухе в первый раз. Если не будет дождей, то это ничего. К тому же скоро выдадут палатки <...>

Если бог приведет вернуться, напишу целую книгу. Русский солдат - нечто совершенно необыкновенное...

Е.С. Гаршиной

26 мая 1877 г. Альбешты (в Валахии)

<...> Чтобы вы могли посмотреть на карте,

где мы идем, вот вам некоторые пункты: Кишинев, Леово, Фальчи, Берлад, Текуч, Фокшаны, Рымник, Бузеу.

Иду я бодро, выдерживаю поход хорошо. Ни разу не отставал и не садился в фуру <...>

До сих пор еще из штаба дивизии не пришел приказ о нашем зачислении на службу; поэтому мы еще не получаем казенного "довольствия": хлеба и сухарей. В строю мы недавно и уже знаем все построения, так что завтра в Плоэшты будем на смотре. Будет смотреть сам государь. Он обогнал нас третьего дня: мы шли пешком, а он по железной дороге, которая, начиная с Текуча, идет рядом с нашим шоссе. Ужасно досадно смотреть на обгоняющие нас поезда с войсками. С привала, где мы отдыхали, нас подняли, вывели к полотну, выстроили в две шеренги (бригада заняла больше версты), и, простояв часа полтора, мы увидели царский поезд. Сам государь не показался, чем солдаты были крайне огорчены.

Идти вообще довольно трудно, особенно когда большие переходы. А у нас были подряд два перехода: 45 и 40 верст. Впрочем, физиче-

ские трудности мне и не кажутся трудностями; внутренние мучения, как оказывается, гораздо мучительнее.

Никогда мне не приходит в голову мысль раскаяться в том, что я пошел в поход. Это такая хорошая школа, особенно для меня, которому нужно воспитание характера. Как я и ожидал, материалов для наблюдения оказалась бездна. Если бог вынесет, я буду знать, что делать. В том, что я сумею писать и буду иметь успех, я почти не сомневаюсь...

И. Е. Малышеву 21)

1 июня 1877 г. Бивуак в дер. Ваниас

<...> Дня через 3 или 4 идем на Дунай. Сделанный поход был не легкий. Переходы доходили до 48 верст. Это - при страшной жаре, в суконных мундирах, ранцах, с шинелями через плечо. В один день из нашего батальона упало на дороге до 100 человек: по этому факту можете судить о трудности похода. Но мы с В. держимся и не плошаем. Хорошо, что теперь уже идем в очень легких костюмах: белые рубахи и штаны.

Е. С. Гаршиной

21 июня 1877 г.

Лагерь около Систова

<...> Хотя в бою мы не были, но чувство перед боем я испытал. В ночь на 18 мы были уверены, что будем драться. Ничего, не струсил, только волнение, сердце бьется чаще и ноздри раздуваются.

<...> Болгары в Систове встретили наших пластунов в восторгом, со слезами. Маленькие дети кидались им на шею <...>

Какая страна, какая природа! Виноград, абрикосы, персики, миндаль, грецкий орех. Всего много. Можно было бы здесь устроить рай земной; а что делается теперь!

Е. С. Гаршиной

21 июля 1877 г. Бивак у деревни Коцелево

<...> Вы, вероятно, знаете о бое 14 июля, в котором участвовали роты нашего (138) и Нежинского (137) полка. В бою были 1, 2, 6 и 2 стрелковые роты (7 и 8 стояли в резерве), а с нежинцами всего было в деле 9 рот. Турок было, говорят, до 5000 и на сильной позиции. Несмотря на то, они побиты... Убитых множество. Наши потери тоже немалы: 2-я стрелковая рота потеряла убитыми и ранеными - 52 человека! Правда, она пострадала больше

других.

Здесь были лучшие турецкие войска, вооруженные превосходными ружьями (Пибоди и Мартини). Патронов они не жалели до того, что на позиции прямо стояли цинковые ящики с патронами.

В то время, когда был бой, наша рота стояла на аванпостах в другой стороне нашего бивуака. С нашего главного караула мы видели, как ушел наш батальон, а скоро услышали и выстрелы (турки были за 12 - 15 верст, на самом Рушукско-Разградском шоссе). Если бы тревога случилась часом позже, мы были бы сменены шестою ротою и пошли бы в бой. Вместо этого мы остались на аванпостах на вторые сутки, а потом, когда пришли измученные роты, бывшие в деле, остались стоять и третьи сутки. Это было очень тяжело.

Турки были разбиты, но наши не остались на позиции, а ушли сначала на свой бивуак (где оставались мы), а потом и сюда, в Коцелево. Отсюда наш батальон ходил на место боя (верст 20 - 22) убрать мертвых, и я видел не особенно красивую картину <...> Но мы были вознаграждены за все - нашли раненого. Пять

суток лежал он в кустах с перебитой ногой. Несколько раз турки ездили мимо него, но не замечали. Наконец 19 июля, через пять дней после боя, наша 6 рота набрела на несчастного. Его подняли и принесли в Коцелево. Жизнь его вне опасности. Вот уж именно спасшийся чудом! 22)

Теперь, кажется, нам долго еще не придется быть в деле. Не бойтесь за меня, дорогая мама! Кажется, я и вернусь, не побывав под пулями: видно, не судьба!..

Е. С. Гаршиной

13 августа 1877 г. 35-й дивизионный лазарет в Водице

Дорогая мама, я легко ранен при Аясляре, 11 августа. Рана пулей в ногу повыше колена, по поперечному диаметру. Пуля прошла так счастливо между костью и артерией, что не задела ни той, ни другой. Опасности нет никакой, даже для ноги.

Сегодня едем в Белу, оттуда в Систово и т. д. до России.

Увидимся, быть может, через месяц.

О бое не пишу, было бы долго, да и из газет знаете. О себе скажу, что дрался я хорошо, да-

же выше своего ожидания...

В. Н. Афанасьеву 23)

12 сентября 1877 г. Харьков

Ежедневно ко мне являются разные посетители; жду скоро даже одного генерала. Десятки раз приходится мне повторять о нашем положении, о турках, как они вооружены, как ково дерутся и пр., и пр. Надоело порядком. Надоело также и валяться. Уж второй месяц, как я нахожусь в горизонтальном положении, да кажется придется оставаться в нем еще не один месяц. Рана идет хорошо, но страшно медленно. Уж очень много мяса выхватила проклятая пуля...

В. Н. Афанасьеву

5 - 6 декабря 1877 г. Харьков

Послезавтра утром я уезжаю в Питер, без денег, больной, но все-таки еду. Очень уж захотелось Питера. Предвижу в нем немало для себя затруднений. Хотя литературная работа теперь для меня вполне обеспечена, но вот загвоздка: в 55 (кажется) Л "Летучего военного листка" есть приказ, воспреещающий "военнослужащим" всякое литераторство. Но я буду писать, пока не посадят. К январской книжке,

думаю, успею написать новенькое...

Неизвестному 24)

Конец декабря 1877 г. - начало февраля
1878 г. Петербург

Жильцы дома полковника Дементьева (по Английскому проспекту д. Л 5) не могли не обратить внимания на проживающую у полковника Д., в качестве прислуги, девушку Екатерину. Девушка эта восемнадцать или двадцать лет, одета в донельзя старое и неопрятное платье, с забитым и запуганным выражением лица, никогда не выходит даже на улицу, а постоянно находится при своих хозяевах, полковнике Д., 74 лет, и его жене, тоже преклонного возраста. Обращение их с Екатериною возмутительно; жильцы, живущие в одном коридоре с хозяевами, имели возможность убедиться, что когда с наступлением ночи у хозяев запирается дверь, то за запертою дверью начинается истязание несчастной девушки камышовой тростью. Нередко, после 9 часов вечера, до глубокой ночи ее заставляют мыть белье в холодном коридоре, где мерзнет вода, притом запирают, отделяя ее от своей квартиры и не давая ей возможности уйти.

Всеми силами стараются они сделать для своей жертвы невозможным какое бы то ни было сношение с людьми, для чего не выпускают ее из квартиры никуда; даже за провизией ходит дворник. Жалования Екатерине, по словам самих хозяев, не полагается никакого; и (она) за свою непосильную работу, сопровождаемую почти ежедневными побоями, довольствуется только самой скудной пищей и грязным тряпьем вместо одежды. Такая мучительная жизнь довела несчастную девушку до одурения; она плачет по целым дням; не подходит к людям и не разговаривает ни с кем, опасаясь побоев со стороны своих хозяев. Из нескольких слов ее, однако, можно заключить, что она решилась не переносить дальше такого положения, а каким-либо способом покончить с мучительною жизнью.

Вообще поведение стариков Дементьевых относительно этой несчастной девушки является загадочным и странным, на что вашему высокопревосходительству без сомнения будет угодно обратить внимание.

Все изложенное может быть подтверждено жильцами второго этажа дома Дементье-

ВЫХ.

В. Н. Афанасьеву

17 - 20 января 1878 г. Петербург

Литературные мои дела находятся в блестящем положении, если брать "потенциал". Только пиши, а брать везде будут. В некоторые журналы ("Слово", "Пчела") я приглашен самими редакциями. Но печататься теперь я буду только в крайнем случае. Пишу, правда, я довольно много, но все это для меня этюды и этюды; выставлять же их я не желаю, хотя уверен, что они шли бы не без успеха. Буду печатать столько, чтобы только просуществовать...

Е. С. Гаршиной

Около 10 февраля 1878 г. Петербург

<...> По поводу вашего мнения о том, что мне не следует молчать, чтобы публика не забыла, скажу вам, что, если я стою того, чтобы меня не забыли, то если и забудут, то тотчас же вспомнят при первом моем появлении. Если же нет, то тогда зачем же и подогревать сочувствие публики?..

И. Н. Крамскому 25)

14 февраля 1878 г. Петербург

Милостивый государь Иван Николаевич!

Беру на себя смелость обратиться к вам с покорнейшею просьбою. Я уверен в правоте моего мнения, и для себя вовсе не стал бы беспокоить вас, но мне хотелось бы получить разъяснение от вас самих, для того чтобы вывести других из заблуждения. Дело идет о моменте, изображаемом вашею картиною "Христос в пустыне". Утро ли это 41-го дня, когда Христос уже вполне решился и готов идти на страдание и смерть, или та минута, когда "прииде к нему бес", как выражаются мои оппоненты. Я вполне уверен в правоте первого толкования. Видеть в фигуре Иисуса страдание и борьбу только потому, что у него измученное лицо - это показывает очень поверхностное знакомство с человеческой душою. "Если б он решился, он имел бы сияющее лицо", сказал мне один из публики. Христу сиять из-за сознания того, что он решился на хорошее дело! "Какой, дескать, я хороший!"

Те черты, которые вы придали своему созданию, по-моему вовсе не служат к возбуждению жалости к "страдальцу" (говорю это потому, что один из толкователей нашел, что

лицо Христа ужасно жалко). Нет, меня они сразу поразили, как выражение громадной нравственной силы, ненависти ко злу, совершенной решимости бороться с ним. Он поглощен своею наступающею деятельностью, он перебирает в голове все, что он скажет презренному и несчастному люду, от которого он ушел в пустыню подумать на свободе; он сейчас же взял бы связку веревок и погнал из храма бесстыдных торгашей. А страдание теперь до него не касается: оно так мало, так ничтожно в сравнении с тем, что у него теперь в груди, что и мысль о нем не приходит Иисусу в голову. Как будто бы Иисус, идя на проповедь, рассуждал так: "хорошо было мир просветить, да кусается: неравно фарисеи на крест вздернут!" И неужели такое сомнение было возможно для Христа, неужели он не был настолько велик, чтобы презирать всякое страдание, и из-за того, чтобы избежать его, разве он покривил бы на йоту душою, разве свернул бы на линию с своей дороги?

Некий субъект прямо бухнул, что ваш Христос - Гамлет!! Уж если приравнивать его к литературным типам, так он скорее Дон-Ки-

хот, конечно, отвлеченный от смешных его сторон и взятый только со стороны его благородной, самоотверженной и решительной натуры. Впрочем и это сравнение плохо, потому что ваш Христос - Христос.

Вы премного обязали бы меня, черкнув строчки две по адресу: Б. Садовая, д. 51, кв. 10, комната 12.

Искренно уважающий Вас.

Е. С. Гаршиной

16 февраля 1878 г. Петербург

<...> Петербург мне надоел ужасно. Литературные знакомства, художники, толки о картинах, о Золя, о заключенных, о Трепове и Засулич, все кажется таким мизерным, ничтожным. Все-таки не уеду отсюда, пока не кончу своей маленькой (немного больше "4 дней") вещицы 26).

Думаю, что "О. 3." <"Отечественные записки"> не поместят ее. Им ведь все надо "умного", чтобы читатель всегда помнил, что мужик страдает, а он, читатель, - подлец. Все это хорошо, но ведь есть и другие темы...

Отрывок мой до войны, до социальных, политических и иных вопросов вовсе не коснет-

ся. Просто мученья двух изломанных душ.

Если "О. З." не поместят, отдам куда-нибудь еще...

И. Н. Крамскому

18 февраля 1878 г. Петербург

Милостивый государь Иван Николаевич!

Считаю не лишним не оставлять вас в сомнении. Могу вас уверить, что мое письмо не было вызвано ни пустым спором или пари, ни тщеславным желанием получить письмо от известного художника, а явилось следствием сильного впечатления, произведенного на меня вашею картиною.

Послав письмо, я пожалел о своем поступке. С одной стороны, я боялся доставить вам своею назойливостью несколько неприятных мгновений, а с другой - и сам сообразил, что вы, как и оказалось, менее всякого другого, можете дать мне ответ. Потому что всякий другой (как например я), для того чтобы "иметь свое мнение", считает своим долгом начать мудрствовать всуе и, пожалуй, что-нибудь и измыслит.

Искренно Вас уважающий и глубоко благодарный.

Е. С. Гаршиной

19 февраля 1878 г. Петербург

<...> Петербург надоел мне смертельно. Уеду, как только кончу одну вещицу для "О. З.". Да не знаю, право, напечатают или нет. Они все "умного" требуют, а мое вовсе не умное, а скорее "безумное". Нечто из Достоевщины. Оказывается, я склонен и способен разрабатывать его (Д.) путь. Маленькая вещь, немного больше первой.

Кстати, о первой. Вчера мне сообщил Груберт (один из товарищей по гимназии), что "4 дня" переведены еще на французский, итальянский и английский языки! Можно возмечтать о себе бог знает что, право, от одной мысли, что вся Европа может читать твои десять страничек.

О своих предположениях я скажу вам вот что. Я проживу в Харькове до наступления настоящего лета (начала июня). Очень желал бы достать на это время уроки. Потом отправлюсь в экскурсию на Урал с горными студентами (это уж непременно) и осенью явлюсь в Петербург с целью вольнослушания в университете. Потом решительно не знаю, что будет.

Мысль прослужить годик или полтора прапорщиком где-нибудь в глухой армии тоже не оставляет меня. Вообще "устраиваться" не буду, даже не потому, что не хочу, а потому, что и не могу. Конечно, все это говорится при условии, что не будем драться с австрийцами и англичанами 27). Тогда - дело другое: придется подставлять грудь <...>

У нас, как вы знаете, выставка картин, которые пойдут на Парижскую выставку. "Христос в пустыне" Крамского сделал на меня ужасно сильное впечатление, из-за него (из-за толкования его) я поспорил и для решения вопроса послал к Крамскому безымянное письмо, на которое он ответил мне целую статью, очень искреннюю и задушевную. Это - его письмо - просто исторический (для будущего биографа Крамского) памятник. Мог бы я с ним познакомиться, как мог бы познакомиться со всем генералитетом от либерализма в области искусств, да не хочется. Я не хочу никого искать...

В. Н. Афанасьеву

21 февраля 1878 г. Петербург

Петербург уже надоел мне хуже горькой

редьки. Стремлюсь из него удрать. Собственно говоря, здесь можно было бы жить и интересно: мне открыта полная возможность познакомиться со всякими знаменитостями; да со мною что-то сделалось странное: прежняя страсть к знакомствам исчезла. Особенно не хочется знакомиться с разными генералами от интеллигенции, может быть, потому, что не хочется "ученичествовать" и с почтением выслушивать слова, изрекаемые на манер пророчеств. Бог с ними. К своей литературе я стал относиться строже. Художественные рецензии писать бросил, ибо ведь собственно это было с моей стороны шарлатанство. Буду работать побольше, вылезать поменьше, авось что-нибудь и выйдет?..

Н. С. Дрентельну

18 мая 1878 г. Харьков

От очень многих хороших людей выдан и мне аттестат "хорошего". Эти хорошие качества (буде они существуют) нужно, наконец, пустить в оборот. Ты, вероятно, удивишься, когда я скажу тебе, на что я решился. Я хочу оставаться в военной службе. Буду даже добиваться академии...

Ты рекомендуешь мне курс биологии - точно будто не знаешь, что у меня в голове постоянно будет сидеть вопрос: на кой черт мне эта биология? Вопрос "зачем" до такой степени овладел моим существом, что ни за что, не дающее непосредственных результатов, я не рискну взяться. Писательство имеет результаты непосредственные - изящное (насколько изящное - это другой вопрос) произведение, шевелящее если не мозги, то чувства (в моем случае, беря меня) людей. Вот почему я писать не брошу. Учиться (т. е. читать разные умные книжки) я не брошу до смерти, но взяться за какой-нибудь "курс" не ради себя, своего любопытства, я никогда не возьмусь. "Что он делает?" Учится! До каких же пор я буду учиться, до каких пор с меня не будет ни шерсти, ни молока?

В. Н. Афанасьеву

Конец мая 1878 г. Харьков

Мы с тобой достаточно убедились в плохом положении нашей армии. Мы хотим уходить из нее именно потому, что в ней для нас скверно, душно. Если так будут рассуждать все, видящие гадость в военной среде, то ни-

когда и среда не изменится. Не лучше ли нам влезть в эту среду? Может быть, что-нибудь и сделаем путного. Может быть, со временем мы будем иметь возможность не дозволить бить солдата, как это делается теперь, не дозволить вырывать из его рта последнюю корку хлеба...

Е. С. Гаршиной

18 сентября 1878 г. Петербург

<...> На меня как с неба свалилась следующая благодать: царица пожаловала как раненому офицеру пособие в 200 р. Я уже получил их, что очень кстати: теперь можно будет прозимовать безбедно, не заботясь особенно о хлебе.

Не знаю решительно, почему мне назначили 200 р., когда всем давали только по 100? Уж не играет ли тут какую-нибудь роль моя литература?

По поводу литературы скажу вам, что, кажется, к октябрьской книжке подгоню маленький рассказец. Очень бы хотелось кончить его, да вероятно и удастся.

Не знаю только, удастся ли самый-то рассказ 28) <...>

Завтра вношу деньги в университет и начинаю ходить на лекции. Определитель наш 29) двигается пока только моими усилиями, так как сначала нужно составить пробное семейство. Я очень доволен этой работой, она выгодна во всех отношениях, даже и в денежном, хотя вознаграждение получится нескоро. Зато языки у меня сильно подвинулись вперед с тех пор, как я начал переводить источники.

Писал ли я вам, что здесь страшно забирают! Долинина сослала, Павловский, говорят, убежал из ссылки; сослала еще нескольких моих товарищей по гимназии 30)...

Е. С. Гаршиной

23 ноября 1878 г. Петербург

Дорогая мама! Вчера вышел из госпиталя. Мне дали свидетельство вполне удовлетворительное, и сегодня я уже заказал писарю просьбу об отставке. Вот наконец и окончание бедствий 31).

Полтора месяца почти не был в университете; завтра иду туда, а послезавтра к Салтыкову с рассказом. Боюсь, что не пропустят, т. е. не Салтыков, а цензура. В первый раз встре-

чаюсь с "ножницами" и очень их чувствую. Если не пустят, обидно, тем более, что вещей я более доволен, чем предыдущей 32)...

Е. С. Гаршиной

16 января 1879 г. Петербург

<...> Пишется туго; сидишь, сидишь перед бумагой и вымучишь несколько строк. Переделать того рассказа, что вы переписали, я решительно не в силах. "Встреча", отданная Салтыкову, до сих пор обретається в неизвестном положении. Хоть бы выставки поскорее начинались: по крайней мере написал бы несколько фельетонов в "Русскую правду".

Виной всем моим огорчениям, конечно, служу я сам или вернее основная черта моего характера: невероятная, баснословная и постоянная лень. Право, я пришел к этому убеждению. Иначе как объяснить то обстоятельство, что даже успех на первых шагах литературного поприща не мог побудить меня взяться за работу как следует...

Е. С. Гаршиной

29 января 1879 г. Петербург

<...> Рассказ мой "Встреча" принят и будет помещен в марте. Щедрин, когда я сказал ему,

что боялся за этот рассказ, выбрал меня. А "Из записной книжки" 33) я отдал в переделанном виде; вероятно тоже пойдет, потому что иначе Щ. уже прислал бы мне записку<...>

Скоро начинаются художественные выставки, и я возьмусь за старое дело. Боюсь только, чтобы к тому времени не прихлопнули "Русской правды": у нее уже есть два предостережения 34)...

Е. С. Гаршиной

14 марта 1879 г. Петербург

<...> То обстоятельство, что мне быть может дадут крест, ужасно меня взволновало: дело, конечно, не в кресте, а воспоминания вдруг поднялись и наполнили душу. Вспомнил день 11 авг. 77 г., быть может единственный день, когда вполне сознавал себя честным и порядочным человеком. Тот, кто не бывал под пулями, вряд ли поймет, что этим я хочу сказать. Вчера вечером я рассказывал двум знакомым об этом дне, и когда они ушли, чуть не расплакался. Убитые товарищи и теперь передо мною как живые, особенно Федоров, на моих руках истекший кровью<...>

Третьего дня был у Мих. Евгр. < Салтыко-

ва-Щедрина >. Снес ему маленькую-маленькую вещицу, написанную между прочим, сказку. И притом фантастическую 35). Обещал написать, если не понравится, да вот все еще молчит. Вероятно, пригодилась. Таким образом март, апр., май "О. 3." будут иметь счастье украшаться моими творениями...

Е. С. Гаршиной

24 июля 1879 г. Мураевка Орловской губ.

Вот уже почти две недели, дорогая мама, как я живу у Гердов <...> Очень хорошо прожил я эти две недели: немного работал (подвинул кое-что вперед), разъезжал по уезду. Мы с А. Я. очень тщательно возимся с здешними "породами" (горными) и теперь геологическое строение для нас уже почти ясно. Руды железной здесь бездна; почти под всем уездом тянется непрерывный пласт красного железняка или сферосидерита. Впрочем, это для вас не очень интересно.

<...> Вчера в руки мои вселился некий зуд, заставивший меня почти до четвертого часа ночи просидеть с пером, чем я, впрочем, очень доволен, т. к. вчера сильно подвинул "большое".

Вы, вероятно, раньше меня увидите VII кн. "О. 3." Не знаю, поместят ли "Attelea grincers", но мне хотелось бы, по правде сказать, чтобы ее отложили до августа. Время терпит, а на затычку идти - благородная гордость не позволяет. Что-то вроде чести мундира - черт знает что такое...

Е. С. Гаршиной

22 ноября 1879 г. Петербург

<...> Лгать вам мне не хочется, да и не могу я лгать вам, а правду писать не легко. Нервы у меня расстроились чрезвычайно: о какой-нибудь работе или хлопотах теперь я и думать не могу. Вчера случайно говорил с психиатром, который сказал, что на время нужно оставить всякую умственную работу. Попробую, авось успокоюсь немного. Но ведь отсутствие занятий не остановит постоянной работы - не работы, а какого-то скверного брожения мозга, которое меня и губит. Я, право, потерял голову.

Иногда мне кажется, что все это не болезнь, а ломанье, что я не не могу работать, а просто ленюсь - но ведь, право, это неправда <...> Я в каком-то удивительном состоянии:

тоски, настоящей хандры нет, а апатия ужаснейшая. Хочется сидеть не шевелясь и ни о чем не думать...

Е. С. Гаршиной

2 декабря 1879 г. Петербург

<...> Вы пишете о том, нет ли у меня какого-нибудь "горя". Право, настоящего "горя" нет. Ни в кого я несчастно не влюблен, - никакого преступления не совершил. Мое горе - я сам со своею беспричинною хандрою, ленью, неумелостью, тряпичностью и т. д.

Эту неделю я провел сносно: упорно сидел в Публичной библиотеке и переводил немецкую книжку о птицах. Эту работу дал мне А. Я. Герд. Пока работаешь - ничего себе. Зато вечером - плохо. Сегодня воскресенье, Публичная библиотека отперта не надолго, я там не был и тоска страшная. Правда, что мне работа необходима!

Мама моя, дорогая моя, не тоскуйте обо мне очень. У меня самого еще есть надежда на лучшее, вернее на спасенье. Если бы не было этой маленькой надежды, я не стал бы жить. Очень уж тяжело, это правда. Но посмотришь вокруг себя и скажешь: ведь не глу-

пее я других. Есть у меня все-таки талант. И то, что мешает ему работать, неужели должно продолжаться всегда, до самой смерти?..

Е. С. Гаршиной

18 декабря 1879 г. Петербург

<...> Вот несколько дней как я ожил и хожу занятый новой вещью. Чувствую, что сяду писать, может быть, сегодня же или завтра <...> "Места" меня пугают, как какая-то тюрьма... Ведь поступить в банк, в министерство значит прикончить совсем и навсегда многое и многое <...> Во всяком случае теперь я не могу думать о месте, дорогая моя мама. Вы, я думаю, поймете меня и не осудите за это новое проявление неосновательности.

Писать я хочу уже года полтора тому назад продуманную, а теперь дополняющуюся и изменяющуюся (пока в моей голове, конечно) историю. Не написал я ее в свое время - хотя начинал - не из чего иного, как из какого-то рабства. Дело в том, что "направления" какого бы то ни было в рассказе совсем нет. Совершенно личная история с любовными делами и с очень кровавою развязкой. "О. З." наверно не напечатают, а все "Русское богатство" воз-

негодует, это я чувствую, а писать все-таки буду, потому что очень уж ходят все мои действующие лица в моей голове 36).

<...> Ах, если бы мне в месяц или два кончить свой рассказ (он должен быть порядочный, minimum листа в 4, поэтому я кладу такой долгий срок), то-то бы я воспрянул духом...

Е. С. Гаршиной

7 января 1880 г. Петербург

<...> Писанье рассказа у меня идет очень медленно, главным образом потому, что в нем я вижу большую фальшь. Не знаю, выберусь ли я из нее.

Перевод "птиц" почти уже кончен и скоро начнет печататься, для того чтобы к весне книжка могла поступить в продажу. После птиц будем составлять млекопитающих. Есть у меня в виду еще один перевод с французского, но еще наверно не знаю, придется ли переводить.

<...> Еще о переводах: к моему удовольствию, А. Я. <Герд> очень доволен моей работой. Я, по правде сказать, не надеялся справиться с немецким языком и орнитологией

даже удовлетворительно.

Е. С. Гаршиной

17 января 1880 г. Петербург

<...> Все это время я очень много работал: кончил "птиц" и писал свой рассказ. Правда, нервы, проклятые нервы не особенно благоденствуют, но уж что с ними поделаешь. Последние два дня и сегодня я бегаю по художникам: Глеб Иванович <Успенский> предложил мне писать в "Русские ведомости" об картинах, а я за последнее время поотстал насчет искусств. Поэтому посетил многих знакомых и незнакомых и даже *horribile dictu!* [Страшно сказать (лат.)] заказал себе визитные карточки. Разговоров разговаривал множество: каждый несет свое и каждый более или менее говорит вздор. "Своих слов" ни у кого нет.

Вчера была причина, порядочно разозлившая меня: разругался с Крачковским <...> Не хочется писать даже, что он сделал, об этом чересчур много уже было говорено и надоело до смерти. Скажу только, что он гораздо хуже "Дедова". Ничто так не портит человека, как дешевый успех... 37)

Е. С. Гаршиной

25 января 1880 г. Петербург

<...> Уже месяц тому назад я решил, а теперь решимость все более укрепляется - уехать из Петербурга в деревню. Мне представляется и место: писаря при сельском ссудо-сберегательном товариществе. Жалование маленькое, кажется, 15 р. в месяц и готовая квартира - отдельный домик, - это материальная обстановка в том случае, если - что не вполне возможно и даже вполне невозможно - я в год не напишу ни строчки <...> "Место служения моего" - село в семи верстах от Самары. Ехать туда придется в марте, в начале или конце - не знаю. Дорога, конечно, на свой счет <...> "Пропагандировать" я в деревне, конечно, не буду. Буду жить, потому что считаю это полезным для себя, а может быть, и сам пригожусь мужикам на что-нибудь.

<...> Дней через пять кончу рассказ для "О. З." - не тот большой, о котором я писал вам, а маленький, новый, почти уже написанный - и напишу еще сказку для "Р. Б."... 38)

Е. С. Гаршиной

2 февраля 1880 г. Петербург

<...> Начинаю я второе 25-летие своей жиз-

ни по-новому, совсем по-новому. Неужели и тут не удастся вывернуться и сделаться путным человеком? О моем личном счастье я теперь, право, не думаю. Чем больше живешь, тем яснее видишь, что в тебе сидит какой-то бес, который положил себе целью отравлять тебе всякую хорошую минуту в жизни. Что уж тут поделаешь? Значит нужно изменить все: забыть всякие претензии на личное благополучие и отдать себе "на съедение" хоть мужикам в деревне. Там, по крайней мере, времени не будет заниматься разными отчаяниями. Хоть какое ни на есть дело, а все-таки дело.

Свой маленький рассказик, я уже переписываю. Вышло нечто сумбурное, смутное, такое, что я и сам многого в нем не понимаю. Ну да все равно, понесу к Салтыкову! Должно быть, напечатает 39).

Я ошибся в прошлом письме: я буду жить не в 7, а в 50 в. от Самары, по Оренбургской ж. д. Очень мне хочется поскорее уехать отсюда и засесть в деревню. Ведь это новое, мама, совсем новое, не испытанное еще: на мне будут лежать обязанности. Кажется смешно и гово-

ритель об таких "обязанностях". Но как подумаете, что до сих пор их или не было, или, что вернее, они были (ох, и очень много, дорогая моя), да их не исполнял (по лени, по бесхарактерности), так и эти "жалкие" обязанности представляются чем-то серьезным...

Е. С. Гаршиной

10 февраля 1880 г. Петербург

<...> По правде сказать, 5 февраля так взбодорило все мое нутро, что эти дни ходил, как оглашенный, и ничего не делал, хотя лично чувствую себя очень хорошо, "личной хандры" (это мой термин для определения моего угнетенного состояния, когда таковое бывает) - личной хандры нет. Но эти трупы просто не дают думать. 40) <...>

Свой рассказик во вторник снес к Салтыкову; о судьбе его ничего еще не знаю. Теперь ушел в воспоминания и хочу написать несколько эпизодов из войны 41). Это будет настоящая проба пера, а то до сих пор все описывал, собственно говоря, собственную персону, суя ее в разные звания, от художника до публичной женщины.

Уезд из Петербурга дело решенное, разве

уж какие непредвиденные обстоятельства.

Тургенев, как вы знаете, здесь. Кажется, удастся видеть его, чего мне очень хочется. От Гл. Ив. <Успенского> наслышался о нем много хорошего, как о человеке приободряющем... 42)

Е. С. Гаршиной

13 февраля 1880 г. Петербург

<...> Рассказ мой Салтыков принял и даже написал, что находит его "весьма хорошим" (напечатают его в 3 книжке). Не знаю, право, точно ли он "весьма" хорош. Быть довольным своим рассказом мне в глубине души пока еще не удавалось. Знаешь, что хотел сделать, а это что никогда не выходит так, как думалось во время писанья. Если не расходятся мои все те же нервы, то писать буду много. Писать что - есть. "Много", - конечно, сравнительно с прежним.

Между прочим, в "Русских Ведомостях" меня приняли. Послал уже другую статейку об акварельной выставке. Предстоит академическая, передвижная, Верещагина. Все это в феврале и начале марта, так что я успею написать обо всем этом. Денег нужно много: глав-

ное - книг забрать с собою, а то совсем обалдеешь...

М. Т. Лорис-Меликову

21 февраля 1880 г. Петербург

Ваше сиятельство, простите преступника!

В Вашей власти не убить его, не убить человеческую жизнь (о, как мало ценится она человечеством всех партий!) - и в то же время казнить идею, наделавшую уже столько горя, пролившую столько крови и слез виновных и невиновных. (И) Кто знает, быть может, в недалеком будущем она прольет их еще больше.

Пишу Вам это не грозя Вам: чем я могу грозить Вам? Но любя Вас, как честного человека и единственного могущего и мощного слугу правды в России, правды, думаю, вечной.

Вы - сила, Ваше сиятельство, сила, которая не должна вступать в союз с насилием, не должна действовать одним оружием с убийцами и взрывателями невинной молодежи. Помните растерзанные трупы пятого февраля, помните их! Но помните также, что не виселицами и не каторгами, не кинжалами, револьверами и динамитом изменяются идеи,

ложные и истинные, но примерами нравственного самоотречения.

Простите человека, убивавшего Вас! Этим Вы казните, вернее скажу, положите начало казни идеи, его пославшей на смерть и убийство, этим же Вы совершенно убьете нравственную силу людей, вложивших в его руку револьвер, направленный вчера против Вашей честной груди.

Ваше сиятельство! В наше время, знаю я, трудно поверить, что могут быть люди, действующие без корыстных целей. Не верьте мне, - этого мне и не нужно, - но поверьте правде, которую Вы найдете в моем письме, и позвольте принести Вам глубокое и искреннее уважение

Всеволода Гаршина

Подписываюсь во избежание предположения мистификации.

Сейчас услышал я, что завтра казнь. Неужели? Человек власти и чести! умоляю Вас, умиротворите страсти, умоляю Вас (для) ради преступника, ради меня, ради Вас, ради государя, ради Родины и всего мира, ради бога.

Е. С. Гаршиной

22 февраля 1880 года Петербург.

<...> Сегодня казнь, свалившаяся так удивительно неожиданно, точно с какого неба. Т. е. свалилась-то не казнь, а покушение, казнь - вывод, необходимый или нет - ей богу, не знаю. Кровь возмущает меня, но кровь отовсюду. Казнят (сейчас прочитал в листовке) - на Семеновском плацу, вероятно, для большего стечения публики на приятное зрелище. Тоска, право. Хоть бы как-нибудь да кончить эту ужаснейшую трагикомедию...

М. Т. Лорис-Меликову 43)

25 февраля 1880 г. Петербург

Ваше сиятельство! Я искренно благодарен Вам за заботы обо мне, но во избежание чересчур больших хлопот считаю необходимым уведомить Вас: 1) о том, что я никогда к "социально-революционной партии" не принадлежал, 2) что, следовательно, я не являюсь изменником ни перед кем, даже перед этой "партией", 3) что о моем пребывании в Вашем доме в ночь на 22 знают, кроме меня, только четверо из моих ближайших друзей, в том числе моя невеста. За их молчание я ру-

чаюсь собою и прошу только принять меры, чтобы слух о моем буйстве в Вашем доме не вышел из него, если моя просьба не опоздала уже. В минуту, когда я кончаю это письмо, приходит городской с повесткой из III отделения се. и. в. канцелярии. Письмо Вам я все-таки считаю долгом послать, не зная, буду ли я иметь случай видеть Ваше сиятельство. Вы имеете способность привлекать сердца, и на этот раз привлекли и бедное больное сердце Вашего слуги Вс. Гаршина.

А. Я. Герду

13 марта 1880 г. Тула

Сегодня приехал в Тулу после двухнедельного житья в Москве и поездки в Рыбинск (мне нужно было быть в полку за получением моего офицерского "содержания", которое "вышло", как говорят солдаты, только два месяца назад) <...> Не знаю, вам, может быть, не приходилось в минуту отчаянья найти правду, к которой я стремился, что было сил, всегда, как только начал сознавать и понимать; вам, может быть, не приходилось надевать себе петлю на шею и потом, - что всего страшнее, - снимать ее. Я не знаю, доходили ли Вы в

острые периоды развития до таких минут, но я верю, да пожалуй даже чувствую, пожалуй и знаю, что не легко далось вам то сравнительное душевное спокойствие, каким вы обладали всегда, когда я знал вас. Володя старше меня на полгода, но жизнь текла его все-таки ровнее, чем моя <...> Этим и только этим я объясняю то обстоятельство, что даже Володя, который понимает меня с полуслова, почти ничего не понял из моего поведения 15 - 25 февраля. Он думал даже, что со мною повторяется старая история 1872 года, что я схожу с ума... Господи! да поймут ли, наконец, люди, что все болезни происходят от одной и той же причины, которая будет существовать всегда, пока существует невежество! Причина эта - неудовлетворенная потребность. Потребность умственной работы, потребность чувства, физической любви, потребность претерпеть, потребность спать, пить, есть и так далее. Все болезни А. Я., решительно все, и "социализм" в том числе, и гнет в том числе, и кровавый бунт вроде пугачевщины в том числе.

Так было и со мною.

Я все отклоняюсь в сторону. Я хотел писать вам о себе, о своем (хотел написать "внутреннем", но тут это слово не идет: вместо него нужно было поставить "всяком") состоянии. Я никогда за 20 лет не чувствовал себя так хорошо, как теперь.

Работа кипит свободно, легко, без напряжения, без утомления. Я могу всегда начать, всегда остановиться. Это для меня просто новость. Не знаю, отчего не видно II кн. "Русского богатства"? Читали ли вы ее? Там у меня нет почти ничего, но в мартовском Л начинается большая, большая вещь. Для III кн. уже набрано, вчера я послал уже последние странички. Вы увидите по первому отрывку в 1 1/2 печатных листа, что это только начало. Написано у меня (вполне) их уже 6 - 7, а заготовлено на клочках всего с написанным до 15, и книга все еще не кончена... 44)

Е. С. Гаршиной

15 марта 1880 г. Тула

Дорогая мама! Я в Туле с разными целями, между прочим, познакомиться с Л. Н. Толстым. Отправляюсь к нему завтра. Голубушка, вышлите мне сюда немедленно рублей 30 - 40.

Очень нужно (наверно, можно занять: я сейчас же отдам).

Адрес: Тула, Киевская ул., Старо-Московская гостиница, Всев. Мих. Гаршину...

Н. М. Золотиловой 45)

Апрель 1880 г. Харьков

<...> План "Люди и война" изменился. Будет большая вставка: так же как описан Никита, будет описан казак (только почти с детства), его призыв, служба в Петербурге и второй призыв на войну.

Как видишь, завязка громадная, а между тем "интрига", коллизия, кризисы и конец у меня уже готовы. Будут огромные вставки. Вообще "Л. и В." написаны уже для июля, авг., сент. и окт., а для мая - нет и для июня нет. Эти две книжки займу (постараюсь занять) казаком, а дальше - хоть пиши другой роман. Книжища выйдет - право, тома три. Просто пугаюсь огромности.

Напиши, голубчик, отзывы близких людей о первой главе...

Е. С. Гаршиной

14 апреля 1881 г. Ефимовка

<...> Живу как животное и ясно чувствую,

что тупею с каждым днем. Какой будет всему этому конец - не знаю. И загадывать страшно. "Отдохнуть" мне уже бы довольно, пора что-нибудь и делать. Да ведь в том-то и ужас, что я не могу ничего делать. Мое умение писать унесла болезнь безвозвратно. Я уже никогда ничего не напишу. А кроме этого - на что я способен! Т. е. не то, что способен, что я знаю, что я умею? Писарем даже быть не могу - видите, какой почерк. В работники не гожусь; кто возьмет такого барчука?..

Е. С. Гаршиной

19 мая 1881 г. Ефимовка

<...> Дядя сказал мне, что он приказал посеять "для меня" 10 десятин ячменя, что я должен буду заботиться о его уборке и выручка достанется мне. Право, ничего не понимаю. Я не только не участвовал ничем в посеве этого ячменя, но даже не знал о нем. Убирать его я тоже не могу: убирать будут рабочие, которыми будет распоряжаться тот же дядя, потому что я ведь ничего не понимаю. Как же это ячмень будет мой? Дядя очень добр, вот и все. Воспользоваться этим ячменем было бы ни на что не похоже.

Из того, что вы пишете о Кирпичникове, я вижу, что Женя думает, что я не хочу писать. Если бы это зависело от моего хотенья! И отчего же бы мне не хотеть, если бы я мог? Очень благодарен я Жене за заботы обо мне. Добрый он. О переводах скажу, что переводить я стал бы, но Женя ведь не может поручиться Кирпичникову в том, что на меня сколько-нибудь можно положиться. Так что перевод должен быть такой книги, печатание которой можно отложить на неопределенное время 46).

Здесь беспокойно. Вокруг везде мужики уверены, что на днях будет указ о разделе помещичьей земли. Уже и плуги приготовили проводить борозды...

Е. С. Гаршиной

24 сентября 1881 г. Ефимовка

<...> Нужно приниматься хоть за какую-нибудь работу. Сейчас же я не хочу уезжать отсюда потому, что хочется прежде подучить английские слова: это для того, чтобы при случае не отказаться от английских переводов. Странное чувство испытываешь, когда учишься: точно губкой стираешь известку со

стены, на которой что-нибудь нарисовано. Трудно голова работает, это правда...

По-французски, я думаю, мог бы переводить довольно свободно: мы с Таней 47) понемногу все лето читали Гюго...

В. А. Фаусеку 48)

Начало октября 1881 г. Ефимовка

Живу я, что называется, понемногу, вернее, совсем не живу, т. к. отправляю только растительные процессы: ем, сплю, встаю, опять ем и т. д. Думать - почти не думаю, да, по правде сказать, оно и лучше, потому что все, что только наводит на какие-нибудь мысли, так темно и неприглядно... Более всего угнетают меня безобразные, мучительные воспоминания последних двух лет. Господи, как извращает человека болезнь! Чего я только не наделал в своем безумстве. Хотя и существует мнение, что человек с больным мозгом не ответственен за свои поступки, но я по себе вижу, что оно не так. По крайней мере то, что называется совестью, мучит меня ничуть не менее за сделанное во время исступления, как если бы его и вовсе не было...

Живешь, живешь благополучно, - вдруг

как тать в нощи - нервозность. Мне кажется, впрочем, что если бы я вел жизнь не столь безобразную (в головном отношении), а правильно работал, т. е. добросовестно вызубрил бы курс хоть Горного института, то м. б., и не заболел бы. Думаю, вопреки всем психиатрам, что умственный труд - правильный, конечно, - не способствует, а предотвращает развитие "психоза" - есть же на свете такие скверные слова...

Е. М. Гаршину

30 октября 1881 г. Ефимовка

<...> Матушка в письме к Тане выразила мнение, что мне следует написать Ивану Сергеевичу. Так как это совершенно справедливо, то я и написал ему коротенькое письмецо. Ответа на него получить не рассчитываю, конечно, да и адреса своего я ему не послал 49)
<...>

Английским языком я занимаюсь и, кажется, кое-что уже начинаю мороковать. Маленький учебник, по которому я учусь (Kothwell), я почти кончил; м. б. и пригодится, кто знает. Правда, что если бы пришлось переводить теперь с английского, то в день сде-

лал бы не более 2 - 3 страниц. Но надеюсь по-
двинуться еще вперед...

Е. С. Гаршиной

20 ноября 1881 г. Ефимовка

<...> У вас опять началась пальба. Что зна-
чит расстояние? Узнав вчера об Черевинском
покушении 50), я остался совершенно спокой-
ным. Точно будто и не в России. Какие же те-
перь еще новейшие (новых уж и так много)
меры надзора будут приняты?

Часто мне припоминается теперь:

В столицах шум, гремят витии,

Кипит словесная война,

А там, во глубине России... 51)

В Ефимовке мы ежедневно почти смотрим,
как кормят свиней; недавно кололи пару. По-
недельник и пятницы ожидаются с нетерпе-
нием: почта, которая одна только разнообра-
зит жизнь, если не считать чтения <...>

Недавно мы прочли Мериме "Colomba"; что
это за прелесть! Просто подмывает перевести
попробовать; не знаю только, была ли она на-
печатана по-русски 52). Я что-то не слыхал об
ней раньше, несмотря на то, что это просто
классическое произведение. Странное дело:

"Colomba" Мериме мне ужасно напоминает Толстого в "Казаках", только, конечно, более шут народный, потому что француз...

В. А. Фаусеку

28 ноября 1881 г. Ефимовна

...Ламартин - болтунице ужасный, Мюссе все тужится быть умным и изящным; Христос его знает, может быть, он и изящен, только для понимания этого изящества нужно хорошо знать язык; для меня он уж очень скучен, как "Губернские ведомости". Гюго же хоть и врала, да зато уж и мастер. Может быть, вам попадется как-нибудь под руку "Les orientalis": не забудьте там посмотреть "Le Djinnes" 53) - это такой, я вам скажу, турдефорс стихоплетства, а впрочем, все трое вместе не стоят томика Лермонтова...

...А все-таки, как ни крепись, а надо признаться, жутко бывает иногда здесь. Особенно ночью, когда все лягут спать (я не сплю б. ч. часов до двух): ветер воет (ветры здесь такие, каких я никогда не испытывал), лиман ревет и мертвечина и пустота кругом страшная. Если читаешь что-нибудь, часто слова уходят из глаз и начинают проходить перед тобою це-

лые вереницы былых сцен, знакомые лица. Боже мой, как все это далеко теперь и во времени, и в пространстве! Как-то чудно видеть себя одиноким и молчащим, того самого, который всегда отличался неистойвой любовью к людской толкотне...

В. Н. Афанасьеву

31 декабря 1881 г. Ефимовка

Писать я не могу (должно быть), а если и могу, то не хочу. Ты знаешь, что я писал, и можешь иметь понятие, как доставалось мне это писание. Хорошо или нехорошо выходило написанное, это вопрос посторонний; но что я писал в самом деле одними своими несчастными нервами и что каждая буква стоила мне капли крови, то это, право, не будет преувеличением. Писать для меня теперь - значит снова начать старую сказку и через три-четыре года, может быть, снова попасть в больницу душевнобольных. Бог с ней, с литературой, если она доводит до того, что хуже смерти, гораздо хуже, поверь мне. Конечно, я не отказываюсь от нее навсегда: через несколько лет, м. б., и напишу что-нибудь. Но сделать литературные занятия единствен-

НЫМ занятием жизни - я решительно отказываюсь...

И. Т. Полякову 54)

30 марта 1882 г. Ефимовка

<...> Еще в начале 1880 г. я заболел ужаснейшею из всех болезней: бог отнял у меня разум. Почти год я находился в безнадежном положении, но все-таки оправился. Есть у меня добрый родственник, дядя по матери: он приютил меня и дал мне возможность прожить долгое время в деревне, т. е. в совершенном покое, которого именно и требовало мое выздоровление. С января прошлого года до сих пор я безвыездно живу в деревне, в Херсонском уезде; о каких бы то ни было занятиях, и более всего литературных, конечно, не могло быть и речи. С грустью должен сознаться вам, мой добрый и снисходительный друг, что я не чувствую себя тем, чем был прежде, до болезни: умственные способности ко мне вернулись, а та крупица таланта, какая была, кажется, исчезла навсегда <...>

Искренно благодарю вас за доброе мнение о моих рассказах. Если в них нет большого умения и блеска, то все-таки есть одно досто-

инство: писал я их искренно, не сочиняя, а выкладывал на бумагу то, чем действительно душа мучилась. И если найдется другая душа, которая поймет это, как поняли вы, так вот и вся возможная награда для рассказчика - большей и не нужно...

Н. М. Золотиловой

25 июня 1882 г. Петербург

Голубушка Надя!.. Эта противная книжка протянется до 10 июля (целую неделю будет лежать в цензуре) и еще после этого придется ездить по магазинам и растыкивать ее. Печатают довольно чисто; книжка выйдет, кажется, хорошенькая 55) <...>

28 июня. Вот еще прошло три дня, Надя, а от тебя нет ни слуху, ни духу. Надоело мне сидеть здесь до тошноты; право, иногда хочется бросить все и уехать. Эти три дня типография (все 8 машин) занята печатанием журналов, и моя книжка стоит.

Жизнь я веду скучную и довольно глупую. Время, остающееся от корректуры и походов в типографию, т. е. 7/8 всего времени, нужно убить как-нибудь: прежде всего я читаю, потом понемножку пишу, а больше всего стара-

юсь удрать куда-нибудь на дачу <...>

Скверный "Край" печатает мои фельетоны, а денег не шлет 56). Завтра пошлю третий фельетон и с ним ругательное письмо, ибо и жить нужно, и ехать надо, а на все это нужны деньги. В своей скуке нашел одно утешение, есть у меня старый товарищ по семинарии, Фан-дер-Фляас, горный инженер; он служит и живет в лаборатории Министерства финансов на Казанской; этот Фляас прелестнейший музыкант и немножко композитор. Заберешься к нему и слушаешь музыку. В прошлый раз он сыграл мне почти целую половину "Евгения Онегина". Хорошая, чистая и благородная музыка. И играет он славно: во-первых, по-мужски, во-вторых, без ломанья...

Н. М. Золотиловой

23 июля 1882 г. Мураевка

Наконец-то я выбрался из Питера, голу-бушка моя <...>

Завтра приеду в Спасское, осмотрюсь, а послезавтра засяду писать, просто руки у меня чешутся, так хочется что-нибудь новое выдумать. Думаю, к сентябрьской или октябрьской книжке "Записок" непременно написать

или об Венедикте (что я тебе рассказывал) или из войны, или сказку новую (давно уже у меня в голове вертится). Словом, что-нибудь да напишу, так что зимой буду обеспечен и спокоен насчет денег, а это для меня довольно важно: хочу продолжать "Людей и Войну", на что нужно много времени и что может быть оплачено только очень не скоро...

Н. М. Золотиловой

3 августа 1882 г. Спасское-Лутовиново

<...> Адреса своего я менять не намерен: рад, что дорвался до места, где можно спокойно сидеть и почти никого не видеть. Понемножку пишу одну штучку (из войны еще), да только именно понемножку; больше страницы в день, как ни бьюсь, а написать не могу. Все равно к октябрьской кн. "О. З." Поспеет 57).

Книг здесь куча: множество французских, немецких и английских; все русские журналы. На журналах 30-х и 40-х годов везде буквы В. В., т. е. Виссарион Белинский: эти книги принадлежали ему. Странно как-то держать в своих руках книгу, которую читал и перелистывал сам Виссарион. Читаю я довольно

много, но бестолково. Очень уж хорошо здесь шататься по парку, купаться, ездить верхом. Лето отличное: ни жарко, ни холодно. И ходишь большую часть дня под огромными липами; а какие здесь есть деревья! По 100 и 200 лет! Дуб, посаженный собственными руками Ивана Сергеевича 50 лет тому назад, совсем мальчик перед ними <...>

Мне очень нужно бы с тобою поговорить вот о чем: ты мне должна еще раз рассказать подробную историю твоей бедной докторши, что умерла. Она так занимает мое воображение (слившись почему-то с фигурой Радонежской; слышала ли ты об этой?), что придется писать осенью повестушку. Это самый хороший сюжет, какой только у меня был (58).

Н. М. Золотиловой

10 августа 1882 г. Спасское-Лутовиново

<...> Полонские (59) такие милые, и большие и малые, что с ними легко живется. С физической стороны тоже хорошо; пишу я довольно аккуратно; только все не могу решить, годно ли куда-нибудь что я пишу? Со всем я не умею оценивать свои вещицы: пока не напечатают, все кажется, что даже и в пе-

чать негодно.

Книжка по известиям из Питера понемножку идет. Если в будущем году я выпущу такую же (а я твердо решился сделать это), то мы с тобой разбогатеем...

Н. М. Золотиловой

20 августа 1882 г. Спасское-Лутовиново

<...> Здесь все по-прежнему; только Яков Петрович уехал <...> Жозефина Антоновна Полонская дама очень милая, и мы с нею большие друзья. Иван Сергеевич пишет сюда через день. Все-таки приедет к зиме в Россию. Просит не опасаться за себя: "проживу, говорит, еще лет двадцать, в течение которых будут знать, что где-то там сидит ненужный старик" 60). Бедный!

Когда был Я. П., то у нас составлялась целая академия. Анята играет; Я.

П. пишет масляными красками; Жозефина Антоновна лепит своего сына (она кончила бюст: удивительное сходство!), а я заберусь наверх и царапаю свои "Воспоминания рядового Иванова". Музыка, живопись, скульптура и поэзия! Вот мы какие умные!..

Я. П. Полонскому

11 сентября 1882 г. Спасское-Лутовиново

Вы выразили желание, дорогой Яков Петрович, получить от меня письмо; с удовольствием принимаюсь за него, хотя, собственно говоря, писать почти не о чем. Жили все это время мы вполне благополучно, спокойно и, значит, до крайности однообразно... Производство варений, наливок, смокв, пастил и сушеных грибов достигло в Спасском весьма широких размеров; в последнем из них главная роль принадлежит мне. Всей этой еды наготовлено столько, что даже страшно становится при мысли о том, как это все везти.

После покойного Серого место форшнейдера за столом занял, как и следовало, Барбос, который не лает, но удивительно любезно улыбается и сует морду в колени так, что трудно не уделить ему кусочка. Дети вполне благополучны: девочки от радости (неизвестно какой) пронзительно визжат и в последнее время обнаружили склонность наносить мне всякие обиды и словами и действием, при чем происходит возня и сугубый визг. Боря весел, но как всегда немножко серьезен. Жозефина Антоновна большую часть време-

ни ожидает писем от вас и Ив. Серг., занимается выше упомянутыми производствами и шьет себе удивительный халат на (шелковой) голубой подкладке. Иногда я читаю ей вслух. О себе сказать тоже почти нечего. День - ничего не делаю, если не считать чтения, вечером сажусь немножко пописать. Рассказ мой кончу дня через два-три. Выходит он, кажется мне, плоховат; иногда даже сомневаюсь, годен ли в печать. Жалею, что вы уехали, прочел бы вам и был бы спокойнее. Впрочем, Жозефина Антоновна то, что я ей прочел, слушала, как казалось, с интересом и осталась довольна <...>

Получил письмо от Ивана Сергеевича. Я писал ему, что он напрасно думает о "ненужном старике" и т. п., и выражал надежду, что он принесет еще большую пользу литературе, даже если не будет писать, - принесет ее, став человеком, вокруг которого собралась бы литературная молодежь. Он пишет: "больше всего я досаую на свою болезнь именно за то, что она не дает мне возможности выполнить это" 61). Хорошо было бы, если б он приехал, наконец, в Питер...

Е. М. Гаршину

14 сентября 1882 г. Спасское-Лутовиново

<...> Пишу последнюю главку. Плохо, очень плохо вышла у меня эта штучка; серьезно думаю, что М. Е. <Салтыков-Щедрин> не возьмет. В эти несколько дней просмотрю, поправлю. Да и последняя главка (бой) не дается. Сижу много, а пишу по страничке в день. А иногда и ничего не выходит. Плохо.

<...> У нас вдруг наступили холода: третьего дня целое утро валил снег и вода в кадках замерзла на дюйм, сегодня 10 - 12 градусов тепла. Если бы не эта главка противная, уехал бы сейчас же. Хочется к вам в Питер...

В. А. Фаусеку

18 мая 1883 г. Петербург

<...> Все люди, которых я знал, разделяются (между прочими делениями, которых, конечно, множество: умные и дураки, Гамлеты и Дон-Кихоты, лентяи и деятельные и проч.) на два разряда, или вернее, распределяются между двумя крайностями: одни обладают хорошим, так сказать, самочувствием, а другие скверным. Один живет и наслаждается всякими ощущениями: ест он - радуется, на небо

смотрит - радуется. Даже низшие физиологические отправления совершает с видимым удовольствием. <...> Словом, для такого человека самый процесс жизни - удовольствие, самое сознание жизни - счастье. Вот как Платоша Каратаев. Так уж он устроен, и я не верю ни Толстому, ни кому, что такое свойство Платоши зависит от мирозерцания, а не от устройства. Другие же совсем напротив: озолоти его, он все брюзжит; все ему скверно, успех в жизни не доставляет никакого удовольствия, даже если он вполне налицо. Просто человек неспособен чувствовать удовольствия, - неспособен, да и все тут. Отчего? - конечно, не я вам это скажу: когда Бернары найдут хвостики самих хвостиков нервов и все поймут и опишут, тогда сейчас и объяснят. Посмотрят под микроскопом и скажут: ну, брат, живи, потому что если тебя даже каждый день сечь станут, то и тогда ты будешь доволен и будешь чувствовать себя великолепно. А другому скажут: плохо твое дело, никогда ты не будешь доволен; лучше заблаговременно помирай. И такой человек помрет <...>

...Служу, женат. Вообще "очень потолстел и играет на скрипке" 62), насколько может предаваться такому занятию человек, который по устройству своему тоже склонен принимать сладкое, если не за горькое, то за не очень сладкое. Насколько я могу быть доволен, кажется доволен. Недоволен только тем, что почти ничего не пишу. Пугаюсь даже, Виктор Андреевич, не кончил ли я своей литературной карьеры. До такой степени трудно писать, думать, что я и не знаю. В голове ли у меня совершается какой-то скверный процесс ("хвостики" портятся), или это "так" - временное затмение напало? Не знаю, но только, хотя писать охота смертная, да участь горькая - ничего не выходит...

Е. С. Гаршиной

9 июня 1883 г. Петербург

<...> Я теперь пишу и довольно много; обещал Мих. Евгр. к 1 июля доставить первую часть. Не знаю, каково-то выйдет у меня первая длинная вещь: описываю Старобельск 63). Около листа уже написал и вообще пишется довольно легко...

В. А. Фаусеку

9 июля 1883 г. Петербург

<...> Пишу, В. А., и пишу разом три рассказа: понятно, что все три (из которых один большой и кончится очень не скоро) подвигаются весьма медленно. Один относится к временам моего сиденья на Сабуровой даче: выходит нечто фантастическое, хотя на самом-то деле строго реальное... 64)

Письмо это пишу на службе, на которой хоть шаром покати - делать нечего теперь, в летние месяцы. Чувствую, что ежедневное хождение в определенное место и недолгое там сиденье (часа 2 1/2 - 3 1/2) приносит мне большую пользу со стороны, так сказать, психо-гигиенической. Работа, когда и есть, так мало утомительна, что совсем нельзя сравнивать с той каторгой, которую я вынес, когда был a gentleman of City [Деловой человек (англ.)] (т. е. служил в Гостином дворе). Там я действительно попробовал труда.

Что вам еще сказать о себе? Послезавтра минет полгода, как мы обвенчались, и эти полгода - самые счастливые дни моей жизни; и чувствуется, что так пойдет надолго, если не вмешаются какие-нибудь внешние обстоя-

тельства...

В. А. Фаусеку

Октябрь 1883 г. Петербург

Я очень благополучен, дорогой мой друг, даже в сущности счастлив, внешне и лично, разумеется, ибо благородство души моей столь велико, что уловляя себя на минуту на мысли, что жить вообще хорошо, сейчас же подыскиваешь какую-нибудь пакость для приведения себя в должное состояние страдальца по Достоевскому и Ко.

В. М. Латкину

30 января 1884 г. Петербург

Попытки писать удаются не особенно хорошо. В ночь на 1-е января написал сказку для павленковского сборника, да на том и покончил (65). Теперь пытаюсь писать "большое" и из жизни, с бытописанием, но жизнь до такой степени переплелась с нецензурными явлениями, что постоянно натыкаешься на них и разбиваешь себе лоб. Просто хоть брось. Нужно брать такие исключительные сюжеты, какие я брал до сих пор, чтобы не испытывать этого неудобства.

Читаю довольно много. Купил себе Шлос-

сера (XVIII в.) и все его читаю. Думаю поне-множку научиться истории, а потом, потом - написать что-нибудь историческое. Очень бы мне этого хотелось, да только не знаю, когда я буду знать достаточно для того, чтобы писать историческую повесть или роман 66). Память у меня вроде решета стала: сегодня прочел - завтра нет ничего, а все-таки читаю Шлоссера с истинным удовольствием. У нас скверно. Газеты бросил читать, до такой степени вся жизнь преисполнена всевозможными свинствами...

Е. С. Гаршиной

20 февраля 1884 г. Петербург

<...> Мы живем ужасно смиренно: очень мало кого видим; по понедельникам к нам приходят 3 - 5 человек, а в том числе Вера и Варя Золотилковы; сами мы почти не выходим по вечерам. Если бы можно было, и на службу не ходил бы, а запрятался бы где-нибудь в деревне, где людей поменьше, не получал бы даже газет, читал бы себе старые книги. Право мама, кругом все так непрезентабельно, что просто на свет не глядел бы.

Салтыков просил меня через Абрамова 67)

приготовить "что-нибудь" к 10 марта. Срок короткий, а у меня ничего еще нет. И хочется мне что-нибудь написать (между прочим, чтобы сделать приятное М. Е., потому что мне всегда отчего-то перед ним совестно, когда я не пишу) - и не знаю, что...

Е. С. Гаршиной

21 апреля 1884 г. Петербург

Дорогая мама! Пишу вам коротенькое письмо, чтобы послать деньги и чтобы вы не подумали чего-нибудь обо мне по поводу закрытия "О. 3.". Вероятно, вы уже знаете об этом из "Правительственного Вестника". "Два сотрудника" должно быть, Протопопов и Эртель (последний бедный только и успел поместить одну вещицу). Куда денутся несчастные Скабичевский, Плещеев, Абрамов, конторщики, типография?.. 68)

Мне очень горько: я не могу сказать, чтобы я вполне принадлежал душой к "Отечественным запискам", но все-таки, будто любимый человек умер. Как-то дико будет теперь видеть свои рассказы не под привычной желтой обложкой...

Е. С. Гаршиной

29 апреля 1884 г. Петербург

<...> В понедельник я ходил в редакцию "О. 3." - в последний раз! Точно хоронили мертвеца. Не расходились долго, хотя и разговоров никаких не было, а просто как-то не хотелось уходить. Странное совпадение: как раз в это время на Преображенской площади училась артиллерия, два орудия, и во время учения все целили прямо в окна. Точно нарочно!

Салтыков на вид ничего, даже не особенно раздражителен, только потемнел как-то (цветом лица). Все прочие крепятся, но видно, что у всех кошки на сердце.

Еще до падения "О. 3." являлся ко мне Вольф (Александр Маврикиевич) директор высочайше утвержденного товарищества М. О. Вольф и Ко, - так написано на его огромной карточке. С осени будет издавать журнал - приглашал писать и, несмотря на все мои отказы, приставал с полчаса. "У нас, говорит, уже есть верных 3 000 подписчиков". Что это означает - не знаю. Обязательные, что ли? Я сказал ему, что обещать теперь ничего не могу, пишу мало, а до осени времени много.

Писал ли я вам, что и Станюкович уже в

крепости?.. 69)

Е. С. Гаршиной

30 июля 1884 г. Петербург

<...> На прошлой неделе, в воскресенье, я ездил на Сиверскую станцию с специальной целью посетить Михаила Евграфовича. Он принял меня очень хорошо и ласково и, казалось, был очень рад, что я приехал. (Мы были у него вместе с Плещеевым, который живет тоже на Сиверской и за которым я зашел). Он довольно бодр, но не пишет, кажется, ничего; по крайней мере говорит, что с закрытием "О. 3." пропало желание работать 70)

Вот уже несколько дней, как я хожу к Репину и позирую ему. Портрет выходит, кажется, очень хороший, из лучших репинских портретов... 71)

В. М. Латкину

10 августа 1884 г. Петербург

Очень я сошелся с Репиным. Как человек он мне нравится не меньше, чем как художник. Такое милое, простое, доброе и умное создание божие этот Илья Ефимович, и к этому еще, насколько я мог оценить, сильный характер, при видимой мягкости и даже нежно-

сти. Не говорю о том, как привлекателен уже самый талант его. Я, кажется, писал тебе, что он начал мой портрет. Скоро он будет кончен...

Ты спрашиваешь, что я пишу. Приступаю только к написанию той самой старинной штуки о художнике, его аманте и злодее-убийце, которую ты, помнится, одобрял. Выйдет что-то листа в четыре, а может быть и больше - по моим привычкам вещь огромная, над которой придется сидеть месяца 2 - 3. Нет, я не настоящий писатель! Все пишется так медленно, туго, да еще хорошо, если пишется, а то ведь со времени сказки о жабе я не написал двух страниц.

В. М. Латкину

20 февраля 1885 г. Петербург

Драму я, конечно, бросил. Я думаю, что если бы я работал один, то из нее вышло бы что-нибудь путное, но с Демчинским 72), который все это затеял, вдвоем, конечно, работать нельзя... Кажется, что я сдам все Д. и откажусь от всяких прав на сие двухгениальное творение

В "Русской Мысли" напечатана первая по-

ловина рассказа "Надежда Николаевна"... Напиши мне откровенно, что это такое. Сам я рассказом недоволен. Знаю, что будут ругать меня жестоко, и не за те недостатки, которые вижу я, а за вещи посторонние: за отсутствие политики, за занятие любовью и ревностями в наше время, когда... и пр.

Ездил в Москву; повидаться с Львом Николаевичем Толстым не удалось. Толстой уехал в деревню...

Я чувствую настоящую потребность говорить с ним. Мне кажется, что у меня есть сказать ему кое-что. Его последняя вещь ужасна. Страшно и жалко становится человека, который до всего доходит "собственным умом" 73)...

Как мне жалко, что тебя здесь нет! Приехал П. и говорит, что ты везде споришь об искусстве, всегда ставишь русское так высоко, как истинный "сын отечества". В каком бы восторге был ты теперь, увидев "Ивана Грозного" Репина. Да, такой картины у нас еще не было, ни у Репина, ни у кого другого - и я желал бы осмотреть все европейские галереи для того только, чтобы сказать то же и про Ев-

ропу... Представь себе Грозного, с которого соскочил царь, соскочил Грозный, тиран, владыка, - ничего этого нет; перед тобой только выбитый из седла зверь, который под влиянием страшного удара в минуту стал человеком. Я рад, что живу, когда живет Илья Ефимович Репин. У меня нет похвалы для этой картины, которая была бы ее достойна...

В. М. Латкину

13 - 25 марта 1885 г. Петербург

<...> Я мечтаю часто (и даже не мечтаю, а думаю) через год-два уйти отсюда в провинцию. Если можно будет где-нибудь пристроиться земским секретарем, то это было бы весьма и весьма превосходно. Не скажу, чтобы я тяготился своим секретарством: нет, работа не тяжелая, часто очень интересная. То техника, то юридические вопросы; во всем этом многому поучаешься, конечно, не как техник и юрист, а как человек и маратель бумаги. Но хочется уйти в деревню; измочаливает понемногу петербургская жизнь. Да и просто пора переменить декорации. Кроме того, что будет здесь делать Надя? Тут в Питере около 150 женщин-врачей, ибо они по

большей части стремятся остаться здесь, что представляет, по-моему, даже некоторое извращение идеи женских курсов. Рано или поздно, мы уедем в глушь, не порвав связи с Питером, без которого все-таки жить невозможно.

В. М. Латкину

1 мая 1885 г. Петербург

<...> Ты прочел, должно быть, мою "Надежду Николаевну", которую я послал тебе тотчас же по получении оттисков из Москвы. Напиши мне о ней что-нибудь, не стесняйся. Я чувствую, что заслужил за нее многие и многие упреки. Конечно, не с той стороны, с которой выругала критика. А это было целое гонение. Я рад только, что успел притерпеться и разные слова, вроде "чепухи" и т. п., изрыгаемые Скабичевским и Ко, меня очень мало задевают.

Ты сам свой высший суд... 74)

Но дело в том, что на этом-то суде я не могу сказать "доволен". Я чувствую, что мне надо переучиваться сначала. Для меня прошло время страшных отрывочных воплей, каких-то "стихов в прозе", какими я до сих пор

занимался: материалу у меня довольно и нужно изображать не свое я, а большой внешний мир. Но старая манера навязла в перо, и оттого-то первая вещь с некоторым действием и попыткою ввести в дело нескольких лиц решительно не удалась. Что вещь вышла не "реальная", о том я не забочусь. Бог с ним, с этим реализмом, натурализмом, протоколизмом и прочим. Это теперь в расцвете или вернее в зрелости и плод внутри уже начинает гнить. Я ни в каком случае не хочу дожевывать жвачку последних пятидесяти-сорока лет, и пусть лучше разобью себе лоб в попытках создать себе что-нибудь новое, чем идти в хвосте школы, которая из всех школ, по моему мнению, имела меньше всего вероятия утвердиться на долгие годы. Ибо она-то и представляет чистое "искусство для искусства" не в философском смысле этого слова, а в скверном. Для нее нет ни правды (в смысле справедливости), ни добра, ни красоты, для нее есть только интересное и неинтересное, "заковыристое и незаковыристое".

Придется и это лето сидеть в Петербурге. Тоска, хочу со злости летом засесть за работу

и сидеть не разгибаясь, пока не кончу...

В. М. Латкину

29 сентября 1885 г. Петербург

Мои дела очень плохи. Я сделал большую глупость: вместо того, чтобы летом взять отпуск и уехать куда-нибудь в деревню, я все перемогался, и вот дотянул до того, что стал никуда негодным. Спасибо Ф. Е. Фельдману за то, что он отнесся участливо к моему плачевному состоянию и освободил меня от работы на неопределенное время, несмотря на то, что теперь съезд, и очень важный, с премногими хлопотами и возней 75). Я сижу дома, ничего не делаю и иногда подвергаюсь припадкам тоски, от которой навзрыд реву по часу. Вот уже три недели, как я не на службе, еще недели четыре или пять можно пользоваться добротой Ф., потом придется бросить место, если я не приду в сколько-нибудь сносное состояние и не буду способен работать. Не для фразы скажу тебе, что часто горько сожалел я, что пуля восемь лет тому назад не взяла немного левее. Что это за жизнь: вечный страх, вечный стыд перед близкими людьми, жизнь которым отравляешь. За что Наде та-

кое горе и за что мне такая любовь и самоотвержение? Она теперь живет мною одним, а во мне еще хватает гадости иногда капризничать и ссориться с нею.

Я никогда так не хотел умереть, как теперь. О самоубийстве я, конечно, не думаю: это была бы последняя подлость...

Н. Н. Бахметьеву 76)

1 апреля 1886 г. Петербург

Многоуважаемый Николай Николаевич!

Искренно благодарен вам за скорый ответ. Корректуру "Аггея" вы получите с этим письмом; я сделал кое-какие небольшие исправления - поправки вообще неважные; хотелось бы, однако, чтобы примечание: "Пересказ старинной легенды" - не было выпущено. Хотя я не оставил от этой легенды почти ничего и из двух крупного шрифта страниц ее сделал десять, но все-таки не хотел бы быть обвиненным в скрывании источника...

С. Я. Надсону

20 декабря 1886 г. Петербург

<...> Живу я благополучно, работаю много; лето провел ужаснейшим образом: четыре месяца лежал пластом. Думал, уже все конче-

но, опять придется начать паломничество по сумасшедшим домам, однако ничего обошлось. Только что освобожден от большого служебного труда: встретил, проводил и отпустил XXVI Общий Съезд жел. дорожи, представителей: целый месяц и праздников у меня не было. Зато теперь чисто, прекрасно и безвредно. Знаете ли вы, что я затеял большую-пребольшую работу, такую, что если через два года кончу, то и слава богу. Придется прочесть томов 200, а я прочел пока всего около 10.

Между прочим же, в январь "Северный Вестник" дал маленький рассказик, скверненький только 77).

<...> Читали вы Короленка? Напишите мне о нем что-нибудь. Я ставлю его ужасно высоко и люблю нежно его творчество. Это - еще одна розовая полоска на небе; взойдет солнце, еще нам неизвестное, и всякие натурализмы, боборыкизмы и прочая чепуха сгинет.

Хотим мы тут праздновать 50-летие поэтической деятельности Якова Петровича, да все как-то не выходит. Цензорство проклятое всех распугивает; а какой он, по правде ска-

зять, цензор? Вот пять лет я его знаю: ни одной книжки не зарезал, кроме французской порнографии с похабными картинками. И неужели 50 лет не покрывают этой малой вины?..

<...> Мечтаем пожить в Петербурге года три-четыре, а там удалиться куда-нибудь в глушь, на Кавказ, что ли, на Черноморский берег, укупить там клочок земли, водить пчел, свиней, виноград и табак...

В. Г. Черткову

13 января 1887 г. Петербург

Дорогой Владимир Григорьевич,

Можно ли будет мне воспользоваться корректурой пьесы Льва Николаевича на субботний вечер (17 января). Если да, то напишите мне, когда я могу получить пьесу. Я мог бы захватить за ней в субботу же между 7 и 7 1/2, а вы бы приготовили ее и сунули мне. В воскресенье же утром я привезу ее обратно... 78)

Г. И. Успенскому

20 января 1887 г. Петербург

Дорогой Глеб Иванович, если хотите послушать "Коготок увязнет - всей птичке пропасть" Льва Толстого, то благоволите доста-

вить свою особу завтра, в среду 21 января 1887 г., на Невский, д. 84, кв. 52 (дом Юсупова) в квартиру Вс. Мих. Гаршина...

Н. М. Гаршиной

29 марта 1887 г. Ялта

<...> С парохода отправились в гостиницу "Ялта", напились кофе и пошли (8 1/4 утра) прямо к водопаду Учан-су. Поднялись на 2 т. футов, но, сокращая шоссе <...> пропустили столб с надписью на повороте и проперли три версты дальше водопада, так что всего туда и назад сделали около 22 верст пешком. Учан-су видели только издалека, но вполне вознаграждены за усталость удивительными видами. Видели, как образуются облака, как все море покрылось пеленою из белых туч, ровною, как простыня, а над ними было голубое небо. Лес тут дремучий; мачтовые сосны (*pinus taurica*), множество цветов.

Посылаю тебе одну *primula*; хотелось бы, чтоб она дорогою сохранила свой розово-фиолетовый цвет.

<...> Знаешь ли, я понимаю, что Ялта показалась тебе коробочкой. Когда я увидел ее с парохода, то даже грудь сдавило, так близко,

тесно надвинулись отвесные горы. Но зато, когда пройдешь немного долиною и влезешь, как мы, какой простор, какая ширь! Наоборот, кажется ужасно просторно, вольно, как-то по-орлиному...

. М. Гаршиной

30 марта 1887 г. Ялта

<...> Учан-су величествен. Страшная высота, откуда падает вода, необыкновенные скалы, дремучий лес кругом, рев воды, облака водяной пыли. Все восемь верст к водопаду - подъем; самый водопад сажен 50, а все это еще ниже половины Яйлы. То, что кажется из города каким-то мхом - вековые пятнадцатисаженные сосны.

Вчера мы с Гердами <...> ходили пешком в Ливадию. Собрали много новых видов растений. Но в Ливадии, несмотря на письмо Даниловича 79) о приказании государыни пропускать везде А. Я. <Герда>, меня не пускали во дворец. <...> Наконец пустили, но мы сами не пошли. Осмотрели оранжереи и парк. Вот имение-то! Неприятно было только все время ходить под конвоем урядника, оказавшегося, впрочем, довольно приятным человеком...

Н. М. Гаршиной

2 апреля 1887 г. Гурзуф

<...> Теперь 8 часов; мы напились чаю и идем побродить по скалам за травками. Как воскресла во мне страсть к ним! Если бы прожить лето здесь, право бы больше 1000 видов собрал бы.

Ходишь по тропинкам, по которым и Пушкин хаживал 65 лет тому назад, и что-то важное и глубокое охватывает душу. У меня на душе теперь очень спокойно <...> Хочется работать. Дай бог, чтобы весною и летом съезда не было, тогда сильно двину роман. Кстати в Одессе я купил XVI том Соловьева и почти прочел дорогою... 80)

Е. М. Гаршину

4 июня 1887 г. Петербург

<...> Защищать драму Толстого и признавать его благоглупости и особенно "непротивление" - две вещи совершенно разные. Тут ты опять наворачиваешь на меня мне совершенно непринадлежащее. Очень любя Черткова, я в теоретических рассуждениях ни в чем с ним и с Т. не схожусь. Многие в их речах мне прямо ненавистно (отношение к науке, на-

пример): если ты этого не знал, можешь спросить у Черткова при случае: он скажет тебе, что меня "ихним" считать невозможно... 81)

В. Г. Черткову

1886 - 1887 г. Петербург

Дорогой Владимир Григорьевич, благодарю вас за книги. Я уже прочел последний том (кроме того, что читал прежде). Я должен вам сказать, что я беру назад почти все, что говорил вам. Кажется, беру назад потому, что судил обо всех этих вещах по отрывкам, сказанным или противниками Льва Николаевича или его защитниками. Я не хочу сказать этим, что я согласен; совсем нет: многое, признаюсь откровенно, мне чуждо и даже больше, ненавистно.

А многое, большая часть, так близко и... Но теперь (т. е. эти дни, может быть, недели и месяцы) я спорить не буду, потому что это слишком важное дело, а я ошеломлен. Именно ошеломлен. Простите за бессвязность письма: я пишу поздней ночью и очень расстроен... 82)

В. Г. Черткову 83)

1887 г. (?) Петербург

О ты, явивший мне писательну машину,
Поведай мне, как ею управлять,
Дабы я мог чувствительну стилину
Тебе на той машине написать.

В. А. Фаусеку

15 июня 1887 г. Петербург

<...> Занимаюсь я преимущественно Петровщиной; прочел много, но сколько осталось еще! Думаю съездить в Царское к Пыпи-ну: я прочел недавно его статью о Петре (о мнениях о нем) в "Вестнике Европы" и очень захотелось поговорить с ним 84). Кроме того, почти кончил рассказ, который вряд ли увидит свет. Не знаю, порвать его или отложить. Очень деликатный для меня вопрос. Дело в том, что в рассказе фигурирует фантастический элемент и, можешь себе представить, наука. А так как действующие лица могут говорить о науке, не превышая уровня понимания автора, то выходит дело очень плохо. Так как я писал для себя, то для меня оно, может быть, и интересно: почему же и мне не говорить и не думать о науке ("и кошка имеет право смотреть на короля"), но что сказали бы Скабичевский и бирюлевские барышни

85), если бы я вздумал философствовать печатно...

Л. Ф. Пантелееву 86)

18 марта 1888 г. Петербург

Н. А. Ярошенко просил меня передать вам фотографию с портрета Салтыкова. Он очень извиняется перед вами: он не мог послать фотографии раньше, так как внезапно уехал и вернулся только на днях. Простите и меня: я не мог зайти к вам сам; я совсем болен...

ПРИМЕЧАНИЯ

1) Гаршина Екатерина Степановна - мать писателя.

2) П. А. Валуев - в то время министр государственных имуществ, председатель комиссии, расследовавшей причины студенческих беспорядков. Н. И. Кокшаров - минералог, директор Горного института.

3) Ф. Ф. Трепов - петербургский градоначальник.

4) Неточная цитата из стихотворения Пушкина "Клеветникам России".

5) С. Г. Нечаев - русский революционер; недопустимые ("цель оправдывает средства") методы его действий ("нечаевщины") были

осуждены К. Марксом и Ф. Энгельсом, а также русскими революционерами.

6) Герд Александр Яковлевич - педагог, натуралист, общественный деятель. Друг писателя. Письма Гаршина к нему известны в отрывках.

7) Персонаж древней легенды, осужденный на вечные странствия по свету.

8) Александрова Раиса Всеволодовна - невеста Гаршина, пианистка (их брак не состоялся). Письма к ней проверены и исправлены по новому их изданию ("Литературное наследство", т. 87. М., 1977).

9) О. П. Пузиво - контр-адмирал. Среди рукописей Гаршина сохранился неоконченный рассказ о бедном студенте-репетиторе.

10) Латкин Владимир Михайлович - горный инженер, друг писателя. "Исторические письма" - книга П. Л. Лаврова (псевдоним Миртов), философа, социолога, публициста, идеолога революционного народничества.

11) Женя (Евгений Михайлович Гаршин) - младший брат писателя.

12) А. С. Суворин - журналист, издатель; с 1876 г. - владелец "Нового времени", ставшего

одной из реакционнейших газет. До той поры имел репутацию деятеля, близкого и демократическим кругам.

13) "Жизнь за царя" - принятое тогда название оперы "Иван Сусанин".

14) Служанка.

15) Первое печатное произведение Гаршин подписал инициалами невесты, Р. Александровой.

16) "Анджело" - опера Ц. Кюа; "Рогнеда" - опера А. Н. Серова; М. Д. Каменская - певица.

17) И. А. Мельников - певец.

18) Дрентелья Николай Сергеевич - педагог, переводчик книг по физике и химии. Друг писателя. Письма Гаршина к нему известны в отрывках.

19) Письмо известно в отрывке. Вася - Василий Назарович Афанасьев, товарищ Гаршина по гимназии и Горному институту.

20) Афанасьев Иван Назарович - брат В. Н. Афанасьева, командир роты 138-го Волховского пехотного полка.

21) Малышев Иван Егорович - брат Михаила Егоровича Малышева, друга Гаршина, художника, участника войны 1877 - 1878 гг.

Письмо известно в отрывке.

22) Рядовой Василий Арсеньев вскоре умер.

23) Письма Гаршина к В. Н. Афанасьеву известны в отрывках.

24) Впервые опубликовано Г. А. Бялым ("Звезда", 1945, Л 2). Письмо, как видно из содержания, является обращением к властям.

25) Крамской ответил Гаршину подробным письмом, в котором рассказал об истории создания картины, о том, что побудило его взяться за этот сюжет, об особенностях своего творчества. Гаршин не подписал письмо (о причинах он сообщает матери 19 февраля того же года), поэтому Крамской закончил ответ словами: "Очень будет жаль, если все это было вызвано шуткой". Чтобы разуверить художника, Гаршин 18 февраля послал ему новое письмо, тоже безымянное.

26) Речь, как и в письме от 19 февраля, о рассказе "Происшествие".

27) В связи с успехами русской армии в войне 1877 - 1878 гг. западные державы подняли против России шумную кампанию.

28) Речь идет, видимо, о рассказе "Трус".

29) Гаршин, по предложению А. Я. Герда, переводил с немецкого "Определитель птиц Европейской России".

30) Ф. К. Долинин, знакомый Гаршина по Горному институту, выслан как политически неблагонадежный, сперва в Вологодскую губернию, потом в Восточную Сибирь. И. Я. Павловский, знакомый Гаршина, сослан за участие в демонстрации; из ссылки бежал.

31) Гаршин проходил медицинское освидетельствование в связи с производством в офицеры.

32) Познакомившись с первой редакцией рассказа "Трус", Салтыков-Щедрин 26 ноября 1878 г. писал Гаршину: "Я прочитал вашу вещь, уважаемый Всеволод Михайлович, и она мне понравилась. Но печатать ее в этом виде, при нынешних условиях, решительно нельзя. Поэтому не будете ли вы так любезны зайти ко мне переговорить об этом предмете..." (Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч. в 20-ти т., т. 19, кн. 1. М., 1976, с. 89-далее: Салтыков-Щедрин М. Е.).

33) Рассказ "Трус" был напечатан в журнале с подзаголовком "Из записной книжки".

34) Газета "Русская правда" была вскоре приостановлена "в виду вредного направления". Гаршин в ней не сотрудничал.

35) Сказка - "Attalea princeps".

36) "История" - "Надежда Николаевна". "Русское богатство" - научный, литературный и политический журнал народнического направления.

37) И. Е. Крачковский - художник-пейзажист. Его работы Гаршин высоко оценил в статьях "Конкурс на постоянной выставке художественных произведений" в "Императорская Академия художеств за 1876 - 1877 учебный год".

38) "Маленький рассказ" - "Ночь"; сказка для "Русского богатства" "То, чего не было" (окончена в 1882 году).

39) Получив рассказ "Ночь", Салтыков-Щедрин 10 февраля 1880 г. писал Гаршину: "Многоуважаемый Всеволод Михайлович. Прочитав Ваш рассказ, я нашел его весьма хорошим, и думаю в мартовской книжке его поместить..." (Салтыков-Щедрин М. Е., т. 19, кн. 1, с. 131).

40) В результате сильного взрыва, произведе-

денного 5 февраля Степаном Халтуриним в Зимнем дворце, Александр II остался невредим, но пострадали солдаты дворцовой охраны.

41) Речь о неосуществленном замысле, названном писателем "Люди и война" (завершен рассказ "Денщик и офицер").

42) Личное знакомство Гаршина с Тургеневым не состоялось.

43) Впервые опубликовано в кн. "Вопросы истории, сельского хозяйства, крестьянства и революционного движения в России" (М., 1961, с. 274 - 275). Четверо упоминаемых в письме ближайших друзей: М. Е. Малышев, В. М. Латкин, С. Н. Кривенко, народнический публицист, Н. М. Золотилова, невеста писателя.

44) После визита к Лорис-Меликову и казни Млодецкого писатель отправился странствовать и, по свидетельству близких, совершал "ряд странных и нелепых поступков". "Большая, большая вещь" - "Люди и война".

45) Золотилова Надежда Михайловна - врач, с февраля 1883 г., жена Гаршина.

46) А. И. Кирпичников - профессор Харь-

ковского университета. Младший брат писателя (Женя) приискивал для Гаршина переводческую работу.

47) Таня - двоюродная сестра писателя, дочь его дяди В. С. Акимова, владельца Ефимовки.

48) Фаусек Виктор Андреевич - ученый-зоолог, друг писателя. Письма Гаршина к нему известны в отрывках.

49) Письмо Гаршина к И. С. Тургеневу не сохранилось. Но ответ Тургенева от 12/24 февраля 1882 г. известен. В ней, в частности, говорится: "...Недалеко то время, когда вы опять будете в состоянии вернуться к русской литературе, на страницах которой вы, я в этом уверен, оставите заметный след: (Тургенев И. С. Письма, т. XIII, кн. 1, с. 199). Тургенев также пригласил Гаршина погостить в Спасском-Лутовинове.

50) Речь о неудачной попытке на жизнь генерал-адъютанта Черевина.

51) Строки из стихотворения Некрасова ("В столицах шум...").

52) Гаршинский перевод "Коломбы" напечатан в журнале "Изящная литература" (1883,

Л 10). Этот перевод доныне включается в собрания сочинений Мериме, издаваемые на русском языке.

53) Стихотворение "Джины" из поэтического сборника В. Гюго "Восточные мотивы".

54) И. Т. Поляков - крестьянин-самоучка, служил писарем; собиратель автографов.

55) В 1882 г. издана первая книга рассказов Гаршина.

56) В харьковской газете "Южный край" печатались фельетоны Гаршина "Петербургские письма".

57) В Спасском-Лутовинове Гаршин писал "Из воспоминаний рядового Иванова".

58) Среди неосуществленных замыслов Гаршина - повесть о сельской учительнице Р. Радонежской.

59) Одновременно с Гаршиным в Спасском-Лутовинове жил поэт Я. П. Полонский, его жена, Жозефина Антоновна, скульптор, их дети и домашняя учительница детей ("Анюта").

60) Гаршин по памяти цитирует письмо Тургенева к Ж. А. Полонской от 13 августа 1882 г.

61) Гаршин неточно цитирует слова Тургенева из письма от 3/15 сентября 1882 г. В том же письме Тургенев замечательно высоко отозвался о творчестве Гаршина: "...Изо всех наших молодых писателей вы тот, который возбуждает большие надежды. У вас есть все признаки настоящего, крупного таланта: художнический темперамент, тонкое и верное понимание характерных черт жизни - человеческой и общей, чувство правды и меры, простота и красивость формы - и, как результат всего, оригинальность..." (Тургенев И. С. Письма, т. XIII, кн. 2, с. 27).

62) Цитата (не вполне точная) из "Ревизора".

63) "Длинная вещь" - "Медведи".

64) Рассказ из времен "сиденья на Сабуровой даче" - "Красный цветок".

65) "Сказка о жабе и розе".

66) Среди неосуществленных замыслов Гаршина - большой роман о Петре I и его эпохе.

67) Я. В. Абрамов - публицист, сотрудник "Отечественных записок", первый биограф Гаршина (составленные им "Материалы для

биографии" писателя напечатаны в сб. "Памяти Гаршина". Спб., 1889).

68) В "Правительственном вестнике" говорилось об аресте двух сотрудников журнала "за доказанное пособничество с их стороны деятельности злоумышленников". А. И. Эртель - писатель-прозаик, М. А. Протопопов - критик и публицист. Поэт А. Н. Плещеев и критик А. М. Скабичевский - сотрудники "Отечественных записок".

69) К. М. Станюкович - писатель, известный морскими рассказами. Был арестован за содействие революционно-освободительному движению.

70) Вскоре после закрытия "Отечественных записок" Салтыков-Щедрин писал: "Что касается до меня, то я покуда чувствую только повсеместную боль. Чувствую также, что я лишен возможности периодически беседовать с читателем, и эта боль всего сильнее..." (Салтыков-Щедрин М. Е., т. 20, с. 24). В письме к Н. К. Михайловскому от 23 июля 1884 г. Салтыков-Щедрин сообщал о приезде Гаршина: "Сегодня был у меня Гаршин. Он несколько уныл и говорит, что ему не пишется" (там же, с. 59).

71) Кроме большого портрета, Репин написал с Гаршина портретный этюд, работая над образом царевича Ивана для картины "Иван Грозный и сын его Иван".

72) Н. А. Демчинский, инженер и литератор, пересказал содержание незавершенной драмы, над которой они работали вместе с Гаршиным: "...Мы остановились на одной теме, которую давала нам сама жизнь. Один молодой техник в погоне за деньгами продал свою жену; все действующие лица были тогда еще живы" (см. "Современники", с. 135). Фамилия главного героя драмы почти такая же, как и героя рассказа "Встреча", - Кудрешов.

73) "Последняя вещь" Толстого - видимо, "В чем моя вера?", где, в частности, идет речь о "непротивлении": "Я понял в первый раз, что центр тяжести всей мысли в словах: "не противься злumu"..." (Сочинения Л. Н. Толстого, ч. 13. М., 1911, с. 528).

74) Цитата из стихотворения Пушкина "Поэту".

75) Ф. Е. Фельдман - начальник Гаршина по службе, управляющий делами Общего съезда представителей железных дорог.

76) Впервые опубликовано в "Литературном наследстве", т. 87 (М., 1977, с. 237). Н. Н. Бахметьев - секретарь редакции журнала "Русская мысль".

77) "Большая-пребольшая работа" - роман о Петре I. "Маленький рассказик" - "Сигнал".

78) Пьеса Л. Н. Толстого "Власть тьмы, или Коготок увяз, всей птичке пропасть" стала одним из любимейших произведений Гаршина.

79) Г. Г. Данилович - военный педагог, генерал.

80) В 16-м томе "Истории России с древнейших времен" С. М. Соловьева повествуется о деятельности Петра I.

81) В. Г. Чертков, рассказывая о своей дружбе с Гаршиным, нигде не подчеркивает его "толстовства". Он пишет об отклике Гаршина на призыв Л. Н. Толстого к писателям и художникам принять участие в общедоступных изданиях для народа, вспоминает беседы "о преимуществах жизни в упрощенной обстановке физического труда" и т. п.

82) В. Г. Чертков вспоминает, что письмо было откликом на доставленные им Гаршину труды Толстого, не разрешенные "для всеоб-

щего распространения". Но упоминания о "книгах", о "последнем томе" позволяют думать, что речь идет и об издававшихся "Сочинениях Л. Н. Толстого". В увидевшем свет в 1886 г. двенадцатом томе "Сочинений" были напечатаны "Народные рассказы и легенды", "Смерть Ивана Ильича", "Власть тьмы", а также публицистические статьи Толстого "О переписи в Москве" и "Так что же нам делать?", которые произвели огромное впечатление на современников.

83) Чертков вспоминает: "Стихотворение было написано на пишущей машинке, бывшей у меня на столе - во время одного посещения Всеволода Михайловича, не заставшего меня дома".

84) А. Н. Пыпин - историк литературы и общественного движения, фольклорист.

85) "Бирюлевские барышни", которым "все известно", упоминаются в повести Тургенева "Затишье".

86) Л. Ф. Пантелеев - общественный деятель, издатель.